

18+

Виктор Дьяков

Армейские будни

рассказы

Виктор Дьяков

Армейские будни. рассказы

«Издательские решения»

Дьяков В. Е.

Армейские будни. рассказы / В. Е. Дьяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743987-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

В российской истории армия всегда играла наиважнейшую роль. Потому интересны не только связанные с ней знаковые события, но и ее внешне незаметная внутренняя повседневная жизнь. В сборнике отображены фрагменты армейских будней как мирного, так и военного времени. Героями повествований являются солдаты и офицеры участники Великой Отечественной и Чеченских войн, курсанты военных училищ, советские военнослужащие и члены их семей, живущие в отдаленных гарнизонах.

ISBN 978-5-44-743987-3

© Дьяков В. Е.
© Издательские решения

Содержание

Пока не выстрелило ружье	6
Гречневая каша	21
Шанс Виктора Позвоноглу	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Армейские будни рассказы

Виктор Елисеевич Дьяков

© Виктор Елисеевич Дьяков, 2015

ISBN 978-5-4474-3987-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пока не выстрелило ружье

В то утро первый взвод вставал за час до общеполкового подъёма в 5.00. Дневальный, сдерживая позывы к зевоте после нелегко ему давшегося ночного бдения, подошёл к койке заместителя командира взвода Кухарчука и осторожно, с некоторой опаской потряс его за плечо:

– Товарищ старший сержант... подъём...

Кухарчук проснулся мгновенно, будто и не спал, поднял к глазам руку с часами – всё правильно, его будили, как и положено, за четверть часа до личного состава.

– Иди Алхимины толкай, да без нежностей с ним, – дал команду Кухарчук дневальному.

– Есть, – с готовностью отреагировал тот и поспешил выполнять приказ.

Командира отделения сержанта Алхимины разбудить оказалось и в самом деле совсем непросто. Как ни тряс его дневальный, мордастый сержант лишь открывал и тут же вновь закрывал, не выражавшие ни малейшей мысли глаза. В общем, взвод, как это уже не раз случилось, Кухарчуку предстояло поднимать одному...

Это происходило в начале семидесятых годов в учебной воинской части, так называемой «учебке». Отличие «учебок» от прочих частей заключалось в том, что большинство солдат, именуемых курсантами, служили здесь лишь шесть своих первых месяцев, а затем отправлялись в линейные полки. Причём лучшие из них – способные, шустрые, или просто приглянувшиеся командирам – оставлялись и дальше служить здесь же, на должностях инструкторов, или командиров отделений уже следующих призывов. Отсюда и второе отличие – дедовщина в «учебках» была субординационно узаконена: рядовой-курсант всегда «молодой», а сержант по сроку службы всегда старше. Данное обстоятельство, прежде всего, и обеспечивало в таких частях необычно высокий для Советской Армии уровень дисциплины и исполнительности.

Без трёх минут пять Кухарчук, свежесбрившийся, умытый, сверкая дембельским набором регалий на выпуклой груди, стоял в расположении своего взвода и ждал.

– Ну что Алхимин... так и не встал? – вполголоса, с заметным недовольством, спросил он у дневального то, что и сам отлично видел. Тот виновато развел руками.

Кухарчук подошёл к койке командира отделения, постоял, и как только его часы показали ровно пять, прямо над Алхиминным протяжно и в то же время приглушённо прокричал:

– Первый взвод... подъём!

Курсанты, скрипя кроватными пружинами, срывались с коек, шлёпали босыми ногами по полу. Синие сатиновые трусы, зелёные линияльные майки, едва отросшие на сантиметр-два волосы, не скрывавшие формы черепов – всё казённо, одинаково, некрасиво. Сопение, возня, толкотня в узких проходах между койками, то там, то здесь глухие удары – это падали на паркет ремни, сапоги – спешка, суета, путание в рукавах и штанинах... Впрочем, не все столь комичны и неловки. Ладному, плечистому крепышу Кручинину положенных сорока пяти секунд на процедуру одевания явно много. Самое большее полминуты прошло, а он уже полностью обмундирован и первым обозначил строй. Вслед за ним, застёгивая последние пуговицы, спешили и другие: Стенюшкин, Забродин, Пушкарёв, Каретник... Сержант Алхимин тем временем едва приподнимается на локтях и сонным взглядом непричастно обозревает эту кутерьму.

– Слышь «химик», вставай! Опять «дедушка» за тебя работать должен?!... Дождёшься! – Кухарчук, внимательно следя за действиями взвода, время от времени зло косил глаза на сержанта, наконец, он сильно ударил сапогом по спинке алхиминской кровати. – Вставай, ждать не будем, – и пошел к уже замершему строю.

Да, не повезло Кухарчуку с командирами отделений. Один уже третий месяц из госпиталя не вылезает, второй вот он, сержант Алхимин. По неписаным казарменным законам как оно положено: «лётать», то есть делать всю черновую сержантскую работу, производить подъём, утренний осмотр и всё прочее, должен именно «комод», командир отделения, а не «замок», замкомвзвода. Сколько Кухарчук не бился, не грозил, даже по морде жирной один раз приложился, так и не переборол врождённую особенность Алхимина – долго и тяжело просыпаться. Но Алхимин до призыва успел с отличием окончить сельскохозяйственный техникум и превосходно разбирался в дизельных двигателях и прочих составных частях тракторов – качество очень ценное именно для танковой «учебки». Ведь танк и трактор в некоторой степени братья, хоть и имеют прямо-противоположные назначения. Увы, Кухарчук до Армии ни с какой техникой, кроме велосипеда, не сталкивался, да и тяги к ней не испытывал. Физическая сила, гвардейская внешность и несомненные командирские качества – вот за что сделали его сержантом. Но когда дело доходило до занятий по технической подготовке, тут-то и оказывался необходим мешковатый соня Алхимин.

В отсутствии штатного «комода» Кухарчуку докладывал Кручинин, уже выдвинувшийся в непререкаемого взводного лидера:

– Товарищ старший сержант, первый взвод построен, докладывает курсант Кручинин!

– Вольно! – скомандовал «замок» и неспешно, ошупывая глазами каждого, прошёл вдоль строя.

Обязательного сержантского замечания на этот раз удостоился длинношеей правофланговый с лисьей физиономией, – Так ты Елсуков за два месяца и не научился подшиваться. – Кухарчук поднял руку к воротнику мгновенно побагровевшего курсанта и одним рывком оторвал некрасиво топорщившийся подворотничок. На этом он решил ограничиться – не позволяло время.

– Значит так, слушай задачу, – «замок» покосился на расположение остальных, ещё спавших трёх взводов роты. Шум, производимый первым взводом, вызвал там шевеления и недовольные реплики. Кухарчук заговорил тише. – Даю вам двадцать минут на умывание, сортир, сапоги и всё прочее. Ровно в пять тридцать все стоят внизу, у казармы и скорым маршем отправляемся на полигон. К восьми часам мы должны быть уже там, там же завтракаем и в девять часов начало практических занятий. . . Вопросы?! – строй не издал ни звука, только скрипнула кровать, наконец-то откинувшего с себя одеяло Алхимина. Кухарчук с нескрываемой неприязнью обернулся. – Доброе утро ваше сиятельство. . . – В строю слышался смешок, но «замок» тут же повернулся лицом к строю, и опять воцарилась тишина. – И вот что, ходите тише, рота ещё спит, нечего сапогами как слоны. . . Рразойдись!

2

В те годы Советская Армия была ещё преимущественно славянской. Резкое изменение пропорций её национального состава, вызванное огромной разницей в рождаемости между северными и южными советскими нациями, стала ощущаться позднее. Пока же армейское руководство могло позволить себе создавать целые воинские части, в первую очередь элитные и учебные, целиком из призывников славян. А учебно-танковый полк, о котором идёт речь, был укомплектован в основном из близлежащих центрально-русских областей. Так и в первом взводе роты плавающих танков насчитывалось по семь человек ярославских и горьковских, трое москвичей, пара брянских и один курский.

– А ну шире шаг, задние не отставать! – бодро командовал Кухарчук, легко вышагивающий чуть поодаль тяжело шаркающего сапогами взвода. У «замка», конечно, есть основания

для хорошего настроения – до дембеля всего ничего, три-четыре месяца. Другое дело бедолаги курсанты, они-то всего два месяца как служат, им до того дембеля ох, сколько ещё каши солдатской сжевать предстоит. Да и сержант Алхимин, тракторный гений, не очень-то весел, хоть и больше года служит – для него эти ранние подъёмы и марши муки адовы. Но что ещё угнетало, это голод... Есть русским солдатам хотелось всегда, с тех самых пор как зародилось на Руси казённое войско, ибо кормили всегда плохо.

Шли сначала по ещё не проснувшемуся утреннему городу, сторонясь поливальных машин, смачивавших асфальт и чахлую придорожную травку, и без того мокрую от росы. Едва вышли за окраину, как Кухарчук властно потребовал:

– Песню... Сулоев, запевай!

Ещё недавно рыхло-полнотелый, но за два месяца так похудевший, что брюки и гимнастёрка болтались на нём как на вешалке, Сулоев, тем не менее, забасил молодцевато:

Прожектор шарит осторожно по пригорку,
Остальные тут же подхватили,
И ночь от этого нам кажется темней,
Который месяц не снимал я гимнастёрки,
Который месяц не расстёгивал ремней,

Пели, но веселей от песни не становилось, ибо то, что до завтрака далеко и долго тяготило исподволь. Возникали мысли о полигонной столовой, где их непременно «нажмут», и готовят куда хуже, чем в полковой. Тут еще и сама песня виновата, малоритмичная, которую лишь с большой натяжкой можно причислить к разряду строевых. На пустой желудок редкая песня поднимает настроение, но таковая нашлась. Она возникла без команды, спонтанно, с оглядкой на «замка» (тот промолчал, что означало «добро») и предназначалась не для военного строя:

Синий, синий иней,
Лёг на провода,
В небе тёмно-синим,
Синяя звезда,

Эта песня заставила проснуться даже тех, кто обладал способностью дремать на ходу. Пели ярославские: Сулоев, Пушкарёв, Торопов, Арсеньев..., горьковские: Кручинин, Забродин, Чистяков, Попков..., курянин Каретник, уже заматеревший 24-х летний семейный мужик. Из москвичей пел только Елсуков, остальные двое молчали. Стенюшкин, парень высокомерно-насмешливый, видимо считал такие песни петь ниже своего достоинства. Митрофанов, худощавый блондин, не пел из-за чрезмерной застенчивости, столь несвойственной «настоящим» москвичам. В то время отношение жителей русской провинции к москвичам ещё не приобрело черт откровенной неприязни, но определённое отчуждение уже наметилось. Впрочем, вместе большинству из этих ребят оставалось жить, спать в одной казарме, есть за двумя на целый взвод длиннющими столами, всего-то три-четыре месяца, до ноября. Случайно столкнула судьба, так же и разведёт, и вряд ли когда-нибудь вновь их пути пересекутся. А кто, с чем, и какой печалью идет в этом строю, поёт или молчит... да какая разница. Песни тем временем возникали самопроизвольно.

Потерял я любовь,
И девчонку свою,
Вы постойте, а я поищу.

Десять пар – двадцать человек, шаркающие голенищами, пылящие по сухой дороге сапоги. Быстрым шагом, с песней двигался взвод по широкой просеке, под косыми лучами ещё невысоко поднявшегося над лесом солнца. По-прежнему сбоку Кухарчук, чуть сзади приотстал Алхимин. Песни продолжали рождаться без перерыва. Видимо именно такие, невоенные, лирические, они помогали забыть о голоде, натёртых ногах, кто-то вспоминал оставленных дома подруг... Но пора и честь знать, Армия есть Армия. Кухарчук громогласно оборвал самостийное песнопение:

– Прекратить песню!... Бегооом марш!

Захлебнувшись на полуслове взвод резко, будто получив удар кнутом, сорвался на бег. В первой паре Кручинин с Забродиним, оба спортсмены-разрядники, задали слишком высокий темп. Лишь Вовчик Митрофанов, футболист, воспитанник прославленной в те годы торпедовской ДЮСШ, выдерживал его без напряжения, большинство же на пределе возможностей. Через пару минут Сулоев, Торопов и Елсуков начали отставать. Сзади их подгонял Алхимин, сам едва переводивший дыхание:

– А ну не отставать, шире шаг!

Строй растянулся, нарушился и Кухарчук даёт отбой:

– Шагооом марш!

Взвод вновь разбирается по парам, всё приходит в норму. Хотя какая там норма, когда все уже вспотевшие, с мученическими выражениями лиц хватают воздух. Но «замок» не даёт ни минуты на расслабление, тут же взвод подгоняет следующая не совсем уставная команда:

– Разобраться... шире шаг, мать вашу... опаздываем, сейчас снова бежать заставлю!

От расположения полка до полигона десять километров и преодолеть их надо не более чем за полтора часа. Вот и грозит «замок», если взвод не уложится, то шею взводный именно ему намылит. Никому уже не до песен, даже с соседом по паре мало кто заговаривает – неприятные ощущения отравляют всё. Особенно противно касание потной шеи к, ещё полчаса назад свежему, подворотничку. Впрочем, и тут далеко не все испытывали одинаковые чувства. Кому, если и не в охотку, так всё почти как в забаву, легко даётся. Например, ходко, словно сам танк движется на своих мускулистых ногах, обутых в сапоги сорок четвёртого размера, арзамасец Володя Кручинин. Да, редко так удачно работает природа: всё шутя, всё играючи получается у Володи, везде он первый, хоть кросс бежать, хоть траншеей копать, хоть на занятиях по политподготовке или теории танкового двигателя. Ко всему у Володи и лицо этакой тонкой лепки, нос, губы, рот, глаза – всё чётко, ярко, выразительно, волосы темнокудрой густой шапкой, с которыми так жаль было расставаться. Немудрено, что до призыва он являлся объектом постоянного девичьего внимания.

Но и Кручинин хмур и не весел, и не только подруги вспоминаются с грустью, а, пожалуй, даже чаще домашний стол... Ох, как есть хочется, а ему особенно, крупному, могучему. Его организм никак не насытит этими постными армейскими супами, кашами, жидкими картофельными пюре, куцыми порциями масла, тонкими считанными ломтями хлеба. Но ничего он вытерпит, только до осени додержаться, а там... Там его наверняка оставят в «учебке» сержантом и он будет как Алхимин, а потом и как Кухарчук, дослужится до «замка». А сержанту куда легче служить, тут уж и нагрузки не те, и сам себе поблажки можешь сделать, а главное с кормёжкой лучше. Сержант, в отличие от курсанта, в любое время и в Военторге, что на территории полка, может подкормиться, и в увольнение в город сходить, и денежное довольствие у него не солдатское. Только бы до осени...

Кухарчук ещё пару раз давал команду перейти на бег, и во время второй пробежки не выдержал Алхимин. Ни слова не говоря, он ломанулся с просеки в лес, на ходу снимая ремень.

– Усрался умник, – презрительно процедил ему вслед «замок» и дал команду перейти на шаг.

Нелегко даются эти смены ритма Валере Каретнику. Он шумно отдувается, вытирая обильно выступивший пот. Ему шёл двадцать пятый год и за плечами он имел четыре курса политеха, а в родном Курске жену и двухлетнюю дочку. Поздно, но и его настигла повестка, и его, мужа, отца, студента-вечерника призвали вместе с восемнадцатилетними пацанами. Призвали вставать в пять утра, бегать, потеть, подчиняться командам этого двадцатилетнего дуболома Кухарчука. Тяжко в Армии вообще, а перестарку ещё пуще. Идёт приземистый, понурый Валера, уже получивший от ребят прозвище «дед», вспоминает своих близких, болезненно кривится, когда «замок» до фальцета повышает свой голос... Но вот, наконец, и дошли. Кухарчук останавливает свой изрядно вымотанный взвод на небольшом плацу. Он ждёт несколько минут – появится ли из лесу Алхимин – затем решительно идёт в штаб полигона докладывать о прибытии: он уложился в срок, но ждать «комода» уже некогда.

3

Танковый полигон, он же танкодром раскинулся на довольно обширной площади. Перелески, поля, овраги, небольшие водоёмы – всё имелось в том обособленном пространстве. Кроме естественных препятствий здесь имелись и искусственные, и вот на этих рукотворных сооружениях и предстояло тренироваться первому взводу.

Позавтракали будто и не ели. Рисовой невкусной каши выдали едва по полкрышки от котелка, как всегда меньшие, чем положено кружки штампованного, рассыпающегося крошками сливочного масла. Но жаловаться все уже отучены. Кухарчук своё дело знал, лычки отбатывал добросовестно и пресекал крамолу в зародыше:

– Эт кому там не хватает?!... Сейчас накормлю... на неделю толчки драить!

Командир взвода лейтенант Грамахин, невысокий худощавый офицер с красивым, но нервным лицом, ждал их на одной из тренировочных площадок. Он в хорошо подогнанном чёрном комбинезоне, из-под которого виднелась зелёная офицерская рубашка с галстуком. Вынутая из фуражки пружина делала его похожим на русского офицера времён первой мировой войны. Кухарчук привёл взвод, доложил. Взводный окинул взглядом строй, негромко спросил:

– Как со временем?

– Прибыли на шесть минут раньше, – горделиво ответил «замок».

– Почему я не вижу Алхимина?

– В санчасть пошёл, желудок прихватило по дороге, – с усмешкой в глазах сказал Кухарчук.

– Что-то серьёзно?

– Да нет... очухается, – успокоил взводного «замок».

Лейтенант начал давать вводную на занятия:

– Задача следующая: разбиться на четыре отделения... первое отделение на ров, второе на эскарп, третье на разрушенный мост и последнее на минный проход. По мере выполнения упражнений отделения меняются местами... – Дальше в постановке задачи было уже меньше конкретики, но больше упора на проявление сознательности – ... Ещё раз повторяю, приложить все усилия для получения максимальных оценок... исключить возможность возникновения аварийных ситуаций... все команды инструктора выполнять в точности... особое внимание при преодолении рва и разрушенного моста...

Долго инструктировал взвод франтоватый лейтенант. Солнце поднималось всё выше, припекало. А взводный всё говорил и говорил, ведь от оценок, что предстояло заработать его курсантам, напрямую зависела его оценка как командира и воспитателя. Вернее, могла зависеть...

Совсем ещё молод Саша Грамахин, двадцать четыре года. Но в армейской жизни он уже понимает, что к чему. Это пусть те, кто, не зная брота в военные училища поступал, дети всяких там токарей-пахарей, случайные офицеры во все эти сказки верят, в передовиков-маяков, инициаторов соцсоревнований. А он нет, он офицер во втором поколении, его отец уже третий десяток лет в Армии дослуживает, уж он то давно всё разъяснил сыну. Для успешной карьеры, прежде всего надо иметь мощную «волосатую» руку где-нибудь в верхах. Увы, тут Саше особо хвастать нечем, хоть отец сделал относительно неплохую карьеру. Но что такое старший преподаватель Ташкентского танкового училища, подполковник? Конечно, на своём уровне он сделал для сына всё что мог: и в училище всё было без проблем, и распределение в престижный Московский округ, и не в задрипанную часть, а в «учебку». Но дальше... дальше отец помочь уже не в силах, не тот масштаб. А тут ведь Москва рядом и офицеров с «лапами» пруд пруди.

В этом году у Саши истекал срок на звание, и он отлично понимал, что надо стараться изо всех сил, дабы не дать ни одной зацепки начальству, чтобы бумаги на «старшего» ушли в срок без задержки, а потом... Потом надо подсуетиться, получить, наконец, вышестоящую должность, и попытаться поступить в Академию, избежав замены в какой-нибудь тьму-тараканский округ... И ещё одна боль истязает молодую лейтенантскую душу: карьера, понятно, для офицера главное, но ведь и личную жизнь устраивать пора. А тут неожиданно появился соблазн одним выстрелом двух «зайцев» ухлопать, и с Академией вопрос решить и... Всё-таки молодец отец, не бросает сына на произвол. Казалось, что он может-то из своего далёкого, жаркого Ташкента? Ан нет, смог! Случилось вот что. Старого приятеля отца, преподавателя того же училища, с которым они давно дружили семьями, вдруг какой-то благодетель, набравшись сил, вытащил из Ташкента в Москву, преподавателем в бронетанковую Академию. А у друга того закадычного дочка, Валя, годом младше Саши, только институт окончила. Взял отпуск отец, примчался к сыну. Так и так, говорит, Сашка, птица-удача сама к тебе в руки летит. В общем, дело за малым, женись, и сразу все проблемы отпадут, считай ты уже в Академии, ибо тот генерал, что отца Вали тащил, человек влиятельный и тебе помочь ему ничего не стоит. А потом уж все дороги открыты и не судьба тобой, а ты ею распорядиться будешь... Дух захватывает от перспективы: никаких тебе взводов, рот, провинциальных гарнизонов, а Москва, Лефортово, Академия имени Малиновского. Эх... так-то оно так, спасибо отец, но... Легко ему рассуждать, женись, хорошая девчонка и к тебе не равнодушна. Хорошая-то хорошая, но если совсем к ней не влечёт... даже когда оставались наедине, да и к чему там...

У Саша и Вали было похожее детство. И он, и она мотались с родителями по заполярным и дальневосточным гарнизонам, росли в продуваемых ветрами, холодных ДОСах. Они страдали, как и все офицерские дети, не имеющие дедов-генералов, обеспечивавших сыновьям и зятьям комфортные места службы и быстрое продвижение, и таким образом, избавлявших своих внуков от возможности появления на свет в вертолёте или санях, под вой пурги или волков...

...«Нет, нет, ни за что», – Саша искренне жалел Валю, он понимал, она не виновата, что выросла болезненной, худенькой и тонконогой. Он желал ей всех благ, но жениться... Вот уже три недели, как уехал отец, мучает Сашу эта дилемма: разум подсказывает, что здесь не до выбора, сердце, что свяжешь себя на всю жизнь с человеком, к которому очень скоро почувствуешь отвращение. Нет, не такую видел он в своих мечтах будущую супругу. И здесь, в старинном русском городе, он встречал таких девушек. Хоть и мелковат Саша, но недурён собой и потом офицер, а «эполеты» в русской провинции искони в цене. Здесь Саша имел возможность выбирать, и он выбирал, желая видеть в суженой то, чего лишён сам: румянец, телесное богатство, здоровье. Конечно, к этому хорошо бы образование и воспитание... но Саше ведь только двадцать четыре...

Отделение в составе Кручинина, Митрофанова, Каретника, Елсукова и Пушкарёва выполняло упражнение по преодолению рва. Ров представлял собою яму глубиной метра три и шириной пять-шесть. Лёгкий плавающий танк, «плавун», весил около пятнадцати тонн и внешне смотрелся не столь внушительно как сорокатонные «утюги», средние танки, или пятидесятитонные тяжёлые. Зато он более юркий, маневренный.

Первым за рычаги сел Кручинин, как и положено лидеру. Но и ему стало не по себе, когда он подвёл танк к зловеще чернеющей в окулярах триплекса глубине. Сержант-инструктор, сидевший в башне, на месте командира направлял и подгонял. У самого рва Володя переключился на первую передачу и осторожно, не давая машине свободно ухнуть вниз, сполз почти без газа по крутому спуску. Подъём был чуть более пологим.

– Газу, газу! – орал в наушниках, вмонтированных в шлем, инструктор. Володя жал педаль до «полика», и машина с рёвом выползала по другую сторону рва.

– Сбрось газ! – скомандовал инструктор в верхней точке подъёма. Но Володя, заворожённый «музыкой» борьбы танкового двигателя с препятствием, чуть промедлил, и машина так на максимальном газу и вылезла, показав днище, как самолёт на взлёте. Следствием этой ошибки стало то, что танк «клюнул» всеми своими пятнадцатью тоннами. Володя только благодаря рубчатому шлему и тому, что крепко вцепился в рычаги, избежал серьёзных ушибов.

– Ах ты сволочь... падла, я те сейчас по едалу... газ, газ, почему вовремя не сбросил ссука!?! – бесновался в наушниках инструктор. В отличие от курсанта он ушибся крепко. Володя, словно перебивая своими действиями инструктора, перешёл на третью передачу, зажал один рычаг, лихо крутанул машину, чем вновь вызвал болезненный вой в наушниках, объехал ров и остановил танк на исходной.

Соскочив с башни, инструктор, было, кинулся, к так жестоко прокатившему его курсанту с кулаками. Однако, не добежав, он будто споткнулся – как высеченная из гранита глыба средних размеров стоял Володя Кручинин: сажень в плечах, грудь колоколом, пуды угадывались даже в несжатых кистях рук.

– Стройся! – взвизгнул инструктор, отказываясь от своего первоначального намерения, ввиду его полной бесперспективности. – Вы что, салажня, хотите и меня, и машину угробить?! Если и остальные так же как он ездить будут, всем по двойке повешу... поняли!?

В танк, в люк механика полез Каретник, и в самом деле кряхтя как дед, а Кручинин подошёл к инструктору и упавшим голосом спросил:

– Товарищ сержант, а какая мне оценка за упражнение?

Инструктор неприязненно окинул взглядом курсанта. То ли отошёл уже от ушибов сержант, то ли понравился ему убитый вид Володи, но он его пожалел:

– На первый раз прощаю... четвёрка.

Вторым упражнением для отделения Кручинина стал эскарп, почти метровой высоты уступ, который на затяжном подъёме должен был преодолевать танк. Это упражнение оказалось попроще: едешь себе в гору, потом толчок, усилие машины и всё, вползла, поелозив гусеницами, родимая. Здесь всё отделение получило наивысшие оценки.

Разрушенный мост – самое опасное и сложное упражнение. Одно название что мост, а на самом деле эстакада из двух колеиных путей, поднятая метра на полтора над землёй, с пологими въездом и выездом. Тут нужно так выровнять машину, чтобы гусеницы пошли точно по этим колеям, ошибся, замандражил, задёргал рычагами – слетел. Здесь случилась заминка. Когда Кручинин со своими ребятами, успешно «отстрелявшись» на эскарпе, прибыли для выполнения очередного упражнения, с моста как раз стаскивали буксирным тягачом танк. Это Арсеньев из предыдущего отделения, проехав чуть больше половины моста, сорвался и посадил машину брюхом на одну колею эстакады. Вид завалившегося на бок, беспомощного

танка действовал удручающе. И здесь за рычаги уже новой машины (ту, сорвавшуюся, отбуксировали в парк на техосмотр) вновь сел Кручинин. Жутко ехать по тому месту, где только что случилась авария, по двум узким полоскам, немногим превышающим ширину гусеничных траков. Володя осторожно, вглядываясь в приближающееся препятствие, чуть потягивал то левый, то правый рычаг. Инструктор на башне молчит... Всё, проехал, спуск, наконец широкая и ровная поверхность. Левый рычаг на себя – броневая коробка с пушкой разворачивается и мчит на исходный рубеж. Весь потный, но улыбающийся Володя вылезает из люка механика-водителя. Остальные к нему:

– Ну как?!...

– Норма, не дрейфь ребята, главное рычаги не рвите, чуть-чуть и газ самый малый.

Елсуков провёл плохо, нервничал, рыскал по мосту, едва не свалился, чем изрядно потрепал нервы на этот раз довольно добродушному инструктору. Каретник в пору вечернего студенчества днями перепробовал немало профессий, и некоторый опыт в вождении гусеничных машин у него имелся. Потому и с этим упражнением, как и со всеми другими, он справился достаточно уверенно. Последним пошёл Митрофанов. Тягостное ощущение испытывал бывший футболист в танке – замкнутое пространство, духота, солярный перегар. Это тебе не раздолье футбольного поля. Зато то же поле Вовчик всегда, что называется, видел хорошо, имея развитое боковое зрение. И здесь он точно определил положение машины и строго по центру провёл её по мосту...

Когда выполнили последнее упражнение, оказалось, что у кручининского отделения самые высокие баллы – всего три четвёрки, все остальные оценки отличные. У других оказалось куда хуже, имелось немало троек, а за падение с моста и вывод из строя машины Арсеньев удостоился «неуда». Лейтенант Грамахин быстро договорился с капитаном, руководителем занятий, о пересдаче: троек, а тем более двойки допустить было никак нельзя. Неудачники, а таковых оказалось с полвзвода, разошлись по препятствиям. Тем временем отделение Кручинина по приказу взводного построилось в шеренгу неподалёку от наблюдательной вышки руководителя занятий.

– Рравняйся, смииирно! За отличные и хорошие показатели на занятиях по преодолению препятствий, отделению объявляю благодарность! – торжественно выразил свою волю лейтенант.

– Служим Советскому Союзу! – отчеканил в ответ строй после некоторой паузы.

– Товарищ лейтенант, разрешите мне четвёрку на рву пересдать, – тут же из строя обратился Кручинин, не желающий хоть в чём-то быть не первым.

– Что... на рву? Нет, не надо... не стоит... не сейчас, – взводного больше всего волновали тройки и двойка, а четвёрка общего оценочного баланса не нарушала. Лейтенант спешил и хотел перепоручить освободившихся курсантов Кухарчуку, но тот как на зло куда-то исчез и решение пришлось принимать экспромтом:

– Вот что Кручинин, вы пока тут на глазах не маячьте, бегом до колючки и с полчаса там воздухом подышите. Пусть это вам, что-то вроде увольнения будет за успехи в боевой подготовке. Ну, вперёд, – довольный своей находчивостью лейтенант махнул рукой и заспешил к препятствиям.

5

Стоял один из редких для средней полосы России безоблачный и безветренный летний день. Время приближалось к полудню. Курсанты, как и напутствовал их взводный, рванули к границе полигона, означенной плохо натянутой колючей проволокой на изгнувшихся, шатких столбиках с многочисленными лазами в виде заворотов ряд на ряд. Легко преодолев это неказистое ограждение, они словно в освежающую воду нырнули в прохладный, нечастый лес.

Эй вы, ханурики, не расплзаться! – Кручинин ни на минуту не переставал ощущать груз ответственности.

Команда-предупреждение оказалась к месту. Именно этот окрик заставил Митрофанова прекратить не вполне осознаваемое движение вглубь леса. Другие тоже, как только вдохнули чистейший, неуловимо отличный от полигонного, воздух, почувствовали мягкость мха... шелест листьев... Глоток свободы действовал опьяняюще.

Кроме Кручинина, пожалуй, ещё Каретник, по причине несколько большего жизненного опыта, не поддался чарам первозданной красоты.

– Слышь, мужики, давай где-нибудь тут привал сделаем, отдохнуть и перекурить надо, – Валера и внёс конкретное предложение.

Все молча согласились. Подходящую поляну нашли быстро, небольшую, уютную, поросшую высокой не кошенной травой. Наверное от того, что уже немало дней они сосуществовали бок о бок везде – в казарме, столовой, строю... – здесь как-то самопроизвольно разбрелись. У всех возникло желание обособиться, побыть наедине со своими думами в этот вдруг выпавший миг относительного покоя и блаженства. Разве что Елсуков расположился рядом с Каретником. Но он преследовал сугубо меркантильную цель – у запасливого «деда» всегда имелись в зачатке сигареты, а Елсуков был первый во взводе «стрелок» курева. Но Валера сразу распознал его намерения:

– У меня последняя осталась.

– Ну, оставь хоть докурить, – моляще заскулил Елсуков. Каретник лишь неприязненно смерил его взглядом и, ничего не сказав, стал приминать траву, готовясь на неё улечься.

Некурящий Вовчик Митрофанов лежал вверх лицом, зажмурившись, и не видел неба, не ощущал солнца. Он видел... футбольный мяч... Мяч, взмыв, опускался прямо ему на грудь. Он привычно отклонился корпусом, погасил скорость мяча, и тот послушно скатился с груди на ногу... Леса, поляны, высокой травы не было. Был газон футбольного поля, короткая редкая травка, линия штрафной площадки... Именно с линии штрафной Вовчик любил «класть» мяч в ворота, не ближе и не дальше. По мячу веско прикладывался с таким подрезом, дабы он взлетел выше защитников, и скользнул под самую планку. Свой коронный удар Вовчик производил и сейчас в полусне...

Утренний марш и занятия на препятствиях, потребовавшие мобилизации физических и моральных сил, основательно вымотали курсантов. Но они молоды, и потому даже небольшого отдыха хватало для восстановления. Они просто не могли знать, что лёгкость, с которой переносятся трудности, не безмерна, это шагреновая кожа, сокращающаяся со временем, и что надо бы побережиться, и прежде, чем валиться с ног, хотя бы посмотреть, суха ли почва... Нет, молодость не может знать того, что не пережила, а тех, кто мог и должен был подсказать рядом не было, расхожее же понятие отцы-командиры не более чем словосочетание.

За пару недель до этого дня всех курсантов обязали сдать кровь, по двести граммов с человека. После дармового кровотоасывания, не предоставив положенных в таких случаях масла, чая, сахара и обязательного отдыха, голодную, уставшую роту загнали в полковой наряд. Первый взвод в полном составе заступил на кухню, самый тяжёлый наряд в полку. И ничего, никто не упал, не потерял сознания, хоть и мыли посуду, и чистили картошку, и выносили тяжеленные баки с отходами до трёх часов ночи. Всё это скажется много позже, а пока курсанты о здоровье не думали. Впрочем, если учесть, что пришлось пережить тем, кто служил до и после них, в сороковые и восьмидесятые-девяностые... Наверное, тем солдатам этот случай покажется сущей чепухой, шутливой гримасой счастливого, мирного и относительно сытого времени, когда уже успели «отойти» от войны Отечественной и не могли даже предположить войну Афганскую, и тем более Чеченскую...

Валера Каретник откусил конец недокуренной сигареты и, передав его Елсукову, прикварил на боку, подложив под голову пилотку. Во сне он шевелил губами, не то жевал, не то говорил что-то про себя. Конечно, главе семьи не место в солдатском строю, во всяком случае, в мирное время. Ведь семья сама по себе предполагает мирное сосуществование, а Армия... Армия, чья сила многократно превышает уровень необходимый для обороны – это висящее ружьё, которое рано или поздно выстрелит. Она обречена выплеснуть избыток мощи.

Володя Кручинин тоже дремал, закинув руки за голову, расстегнув гимнастёрку на широкой груди – прямо богатырь на привале. По мере того как уходила усталость, его вновь стал донимать голод и Володя довольно скоро проснулся. Инстинкт побудил его зорко вглядываться в траву, в надежде обнаружить то, что тут же можно съесть. Но ничего поблизости не было: щавель на поляне не рос, а для ягод ещё рано. Здесь не росли даже стелющиеся кустики, которые должны были через пару-тройку недель зачернеть черникой. Их ещё зелёные ягоды надо было искать дальше в лесу. Сейчас бы Володя, конечно, и зелёными не побрезговал, да и риска немного – его желудок переварил бы что угодно. Но идти в лес он не мог, ведь он старший группы и их уже скоро должны позвать.

Именно Кручинин первым услышал посторонний, не лесной и не полигонный звук. Подняв голову, он стал всматриваться поверх травы... Да, так и есть, кто-то со стороны противоположной полигону приближался к поляне. Эти кто-то разговаривали и то были голоса, от которых, вырванные из естественной своей жизни, парни уже поотвыкли – то переговаривались женщина и ребёнок.

Володя негромко свистнул, привлекая внимание остальных:

– Эй, ребята, кажись кто-то идёт.

Елсуков и Пушкарёв насторожились и тоже стали смотреть туда, откуда доносились голоса.

– Вроде баба с пацанёнком, – хрипло прошептал угличанин Пушкарёв, нескладный костистый парень с рябым лицом.

Вовчик Митрофанов тоже вышел из футбольного полузабытья и приподнял, едва начавшую отрастать редкой стоячей шевелюрой, белёсую голову.

– Дед, кончай на массу давить. Слышь, баба сюда идёт, – чуть повысил голос Пушкарёв, стремясь разбудить всё ещё дремавшего Каретника. Тот вздрогнул, открыл глаза и, согнав с себя каких-то лесных насекомых, тоже, хоть и с явным недовольством, вернулся из сновидений в реальность.

6

Они лежали, словно в засаде и ждали. Что для молодого человека может быть интереснее женщины, тем более, если он заперт в границах части и почти их не видит? Из всего взвода женат был один Каретник, остальные на гражданке самое большее имели подружек и, как это тогда называлось, «ходили» с ними. «Хождение», вовсе не означало физическую близость, а всего лишь включало поцелуи, от невинных до «взасос», объятия, проникновения под платье девушки, от осторожных до наглых, но не более того. В общем, до сексуальной революции ещё было далеко. Но и в рамках общепринятого и дозволенного преуспевали не все. Хотя, если послушать хвастливый брех отдельных особей, того же явно сексуально-озабоченного Пушкарёва, то он до Армии только и делал, что «зажимал» девчонок, а то и похлеще. О том, что «похлеще», Пушкарёв многозначительно умалчивал – скорее всего, он просто боялся врать в той области, в которой его могли уличить во лжи. Тем не менее, на перекурах он постоянно находился в центре внимания, его слушали с открытыми ртами и вождленными взорами.

На поляне первым появился ребёнок, мальчик лет пяти, в белой шапочке-панаме и коротких штанах на лямках. Лес был без кустарника и зарослей, нечто среднее между лесом и рощей и в нём можно гулять, не особенно опасаясь поранить голые руки или ноги.

– Мама, мама... смотли какую я полянку нашёл класивую! – радостно закричал мальчик отставшей матери.

Курсанты, затаив дыхание, ожидали появления женщины, причём женщины молодой, на что указывал, и уже хорошо слышимый голос, и возраст ребёнка. Мальчик сгорал от нетерпения вбежать на поляну, в траву, доходившую ему, где до пояса, а где и выше, но он медлил чего-то опасаясь. Невидимая пока ещё мать, тоже его предупредила:

– Тима, подожди меня... осторожнее, смотри под ноги!

– Мам, иди сколее!

Наконец из-за деревьев показалась и она...

В те годы Советский Союз жил отгороженный от «тлетворного» влияния Запада так называемым «железным занавесом». И со всеми прочими атрибутами «сладкой» капиталистической жизни, был избавлен и от тотальной голливудской кинопропаганды, где наряду с пресловутым американским образом жизни, навязывался и определённый тип женской красоты – англосаксонский. Любая медаль имеет две стороны, так и тот занавес. Благодаря ему советские люди в семидесятых ещё не ведали, что красивая женщина или девушка – это обязательно 90—60—90, непременно рослая, худая, без намёка на животик... Увы, у большинства дремучих русских мужчин были иные понятия о женской красоте, в том числе и у молодых.

Наиболее откровенно эти вкусы во взводе проповедовал страхолюдный хвостун Пушкарёв. Когда кто-то из курсантов касался женской темы, он обязательно перебивал говорившего вопросами типа: «А как у неё за пазухой, набито? ... А как у неё задок-то, подержаться есть за что?...»

Вышедшая на поляну женщина отвечала всем этим запросам. Смотрелась она никак не больше чем на тридцать лет. Они с сынишкой, искали ещё редкие в это время грибы, в руках женщина несла небольшую корзинку. Кроны деревьев, преимущественно осин и берёз, не сплетались вверху в единую листовенную преграду солнечным лучам, что позволяло вместе с воздушными принимать и солнечные ванны. С учётом этого она и оделась. Так ходили женщины у себя на дачах, да она, видимо, и была летней обитательницей дачного посёлка, что располагался примерно в километре от границ полигона. На женщине не было платья и юбки тоже. Ярко-голубые трусы от купальника туго облегли широкие бёдра, оставляя солнцу и глазам курсантов очень полные, ещё не тронутые загаром ослепительно-белые ноги. Глаза притаившихся буквально разбегались от обилия точек притяжения и то, на что прежде всего смотрят, когда женщина в одежде, лицо, сейчас привлекало наименьшее внимание. На женщине ещё имелась мужская рубашка, не сходявшаяся у неё на груди и животе и застёгнутая лишь на одну пуговицу, как раз под грудью. Всё: бёдра, грудь, живот волнующе сотрясались при движении, неспешном, горделиво-спокойном.

Ослеплённая солнцем после тени леса, женщина ничего не замечала, пока они с сыном не дошли примерно до середины поляны и оказались в полукружении горящих, жадных глаз. Но даже энергетика этих взглядов, охватывающих её всю, от белой косынки, из-под которой струились распущенные тёмно-русые волосы, до обнажённых волнующих ног, не произвела никакого воздействия – остановиться её заставил запах... Пушкарёв, прежде чем улечься на траву разулся, повесив свои несвежие портянки на голенища сапог. Именно этот жуткий запах почувствовала женщина. И первым она увидела Пушкарёва, оказавшегося к ней ближе всех. В сбитой на затылок пилотке он немигающим, истуканским взором уставился ей в ноги выше колен.

– Ой, кто это здесь?! – в негромком восклицании чувствовалась скорее неловкость, стеснение, нежели страх. Она, конечно, сразу поняла, что перед ней солдаты с рядом расположенного полигона. А солдат тогда ещё не боялись, ибо в Армию редко попадали начинающие уголовники – всех подряд начали «грести» позже, когда стала ощущаться нехватка призывников.

Она торопливо и с некоторой растерянностью огляделась. На неё смотрели, её ошупывали взорами, ими же снимали то, что на ней ещё оставалось. С красными, воспалёнными от недосыпа глазами, с впалыми от недоеда щеками, в перемазанных комбинезонах, с не отросшими волосами – жуткое зрелище для женщины вообще и такой тем более: сытой, холёной, домашней...

Советская эпоха – это в основном время борьбы, противостояния, напряжения. Покоя, размеренной жизни, когда обыватель существует комфортнее всевозможных борцов... такого времени в истории СССР почти не было. Лишь мизерный исторический промежуток с середины шестидесятых до конца семидесятых напоминал то время. Увы, период оказался чрезмерно краток, и одно поколение не успело насладиться относительным достатком и покоем – висящее ружьё, лелеемое всей страной, в конце-концов выстрелило, началась афганская война. То время потом обозвали застоём, но советскому обывателю тогда хоть немного посчастливилось пожить своей естественной жизнью.

Запах, исходящий от курсантов, бил в нос не только портяночной гнилью, но и смесью солярки и отработанного танкового масла, запахом терпкого солдатского пота. То, что они лежали совсем рядом и мрачно молчали, лишь неотрывно смотрели, не могло не вызвать у женщины через несколько мгновений уже самого настоящего испуга. Ухватив за руку сына, она стала пятиться, растерянно оглядываясь – ей, видимо, казалось, что вся поляна усеяна лежащими и сверлящими её глазами стриженными солдатами. Она в смятении шептала, ничего не понимавшему мальчику:

– Пойдём сынок... пойдём скорее, мы, наверное, в запретную зону зашли...

Только что преисполненная достоинства, уверенности и покоя, этакая вальяжно-царственная, женщина засуетилась, пытаясь как-то прикрыться хотя бы корзинкой от этих вездесущих глаз. Наконец она повернулась и чуть не бегом, волоча за собой сына, поспешила в лес, под защиту деревьев.

7

Лейтенант Грамахин взмок, бегая по взрыхлённому гусеницами многотонных машин полю, от одного препятствия к другому. Повторные упражнения не у всех пошли гладко. Взмыленный лейтенант в расстёгнутом комбинезоне, без галстука и без фуражки, где со второй, а где и с третьей-четвёртой попытки заставил-таки всех исправить тройки. Но с Арсеньевым ничего не получалось. Сильно ударившись первый раз, он категорически отказывался заезжать на мост. Тупо глядя в землю, оробевший курсант упрямо твердил:

– Не сумею я, товарищ лейтенант, опять упаду.

Грамахин чуть не силой загонял его в люк, но едва машина подползала к эстакаде, Арсеньев резко брал оба рычага на себя и танк останавливался... Так и пришлось лейтенанту плюнуть на это безнадёжное дело и идти на вышку умолять толстого капитана, руководителя занятий, взять грех на душу. Тот поломался для вида, а потом, не мудрствуя, намекнул на отступное:

– ...Ладно, не буду я тебя на взлёте из рогатки стрелять. Тебе же, кажется, на звание вот-вот должны послать? – толстяк хитро подмигнул находящимся тут же сверхсрочникам. – Так что помни, за тобой должок... И это, чтобы машины твои орлы обслужили, как положено.

Саша через силу изобразил благодарную радость и твёрдо заверил:
– А как же, за мной не пропадёт, и трансмиссию вылижут, сам проверю...

Ко взводу шёл, играя желваками на худощавом смуглом лице, кляня про себя, доставившего ему так много хлопот курсанта: «Вот урод попался. Теперь этого борова капитана поить придётся. Эээх, как же всё некстати». Взводный шёл, не глядя под ноги, спотыкался и оступался на неровностях исковерканной гусеницами земли. Увидев уже построившихся курсантов, он попытался привести себя в порядок, но куда дел в суматохе дел фуражку так и не вспомнил.

В строю отсутствовала пятёрка Кручинина. Кухарчук недоумённо озирался, расспрашивал, но свидетелей объявления благодарности и пробежки передовиков к лесу не оказалось.

– Товарищ лейтенант, первый взвод построен за исключением курсантов Кручинина, Каретника...

– Вольно! Я знаю. Сбегай Кухарчук вон туда, покричи их, они где-то недалеко от колючки.

Замкомвзвода удивлённо поглядел на лейтенанта, но тот холодно, неприязненным прищуром подтверждал свой приказ: «Да, именно ты как простой салага побежишь их сейчас искать». Обиженный Кухарчук пошёл нарочито неспешно в указанном направлении. Грамахин специально унижил зама перед всеми в отместку за то, что тот отлучился без спроса и проболтался где-то у местных полигонных дембелей, в то время как ему пришлось бегать по препятствиям. После Кухарчука настал черёд и остальных... Нет, из-за этих то ли пальцем, то ли по пьяни деланных дебилов, он не хочет подвергаться риску не получить вовремя звание или должность, застрять на взводе. Нет, он из них всю душу вынет, но они будут брать препятствия, укладываться в нормативы, бегать кроссы, делать подъём переворотом, научатся ходить строевым, хоть бы и ценой своих ног и подмёток. Он заставит их, чего бы это ему не стоило... В мечтах Саша себя видел только генералом. И путь один – поступить в Академию, а там уж другие горизонты откроются, хоть как, но поступить, хоть через женитьбу... но лучше бы без неё. Может и так получится: сделать взвод отличным, вымуштровать к итоговой проверке этих уродов, так чтобы они стали как гвозди. А для этого надо работать, надо стараться... Ох, как он будет стараться.

– Вот это баба! Видали ляжки... прямо на меня пёрла, думал стопчет! – смаковал увиденное Пушкарёв, после того как женщина с сынишкой торопливо скрылись в лесу.

– Сразу видать, что масла не по двадцать пять грамм за завтраком ест, – подхватил с ехидной усмешкой Елсуков.

У Кручинина напоминание о количестве выдаваемого им масла вызвало нехорошие ощущения, но куда больше ему не понравилась усмешка неприятного москвича.

– Нашёл кому завидовать... масло, сало, – передразнил он Елсукова. – Тебе вон хоть килограмм скорми, всё на говно переведёшь. А здесь всё оно на пользу, её вон хоть саму на хлеб мажь, – не удержался от комплимента Володя. – Как на твой вкус, дед? – тут же он обратился к авторитетному в таком вопросе мнению Каретника.

Но тот, в отличие от более молодых сослуживцев особых эмоций не выразил:

– Да ничего особенного, баба как баба.

– Ну, ты это брось. У неё вон, каждая титька в пилотку не войдёт, а как кормой завиляла, я чуть следом не побёг, – Пушкарёв стоял по-прежнему босой и делал неприличные движения тощими ягодицами.

– Титьки, задница – это ещё не всё... Просто вы мужики ещё баб в натуре не видели, вот и беситесь от голых ляжек, – назидательно сказал Валера.

– Ой, да брось ты знатока из себя корёжить. Знаю я вас женатиков, сидите возле жён и из-за их юбок не высовываетесь, – обиженно парировал Пушкарёв.

Вовчик Митрофанов в силу природной стеснительности вслух своего мнения не высказал. Женщина на него тоже произвела впечатление. Она была в самом расцвете своей женской силы, той, что действует на воображение юношей иной раз куда сильнее ранней девичьей прелести. В то же время грубые, циничные высказывания Пушкарёва его коробили. Володя Кручинин излишней робостью никогда не страдал, даже более того... Но чувствовал он примерно то же, что и его тёзка-москвич и потому осадил спорщиков:

– Ладно, харе базарить!... Напугали хмыри чумазые хорошую бабу, защитнички хреновы. Она вон с пацанёнком по грибы вышла, позагорать, воздухом подышать, а тут хари немые в траве вместо грибов и глазают, портянки вонючие поразвесили.

– Да уж... Представляю, что она о нас подумала, когда увидела, – с усмешкой покачал головой Валера Каретник. – Не хотел бы я, чтобы моя вот так в переплёт попала.

В ответ раздался дружный смех – каждый представил мысли женщины попавшей в такое «окружение».

Курсанты оживлённо делились мыслями, напрочь забыв про полигон с танками. А женщина, торопливо удалявшаяся по направлению к своей даче, уже несколько успокоившись, наверняка досадовала на свою невнимательность и легкомыслие – так далеко зашла в лес, да ещё в таком виде. В то же время она не могла не вспоминать утомительные физиисолдат, их глаза. И конечно у неё не мог не возникнуть естественный женский вопрос: как она им показала? Впрочем, их глаза давали на него исчерпывающий ответ.

Думали, судили со своих колоколен, но подсознательно, о чём вроде бы и мыслей не было: не сомневались – жизнь правильно, по верной, ленинским гением указанной колее идёт, и дальше будет всё лучше и лучше. Так уж устроен человек, он изначально готов верить, что худшее позади, а впереди только лучшее. Да разве, глядя из семидесятых, поверишь в реальность того, что в восьмидесятых станут и прилавки беднее, и очереди длиннее. А когда достигнет призывного возраста этот мальчишечка, которого волочёт за собою мать, застреляет всю, всеми калибрами, это, пока ещё безвредно ревущее на полигоне Ружьё. И кто знает, что ждёт его там, в его, возможно, совсем не прекрасном «далёко», не состарит ли он до срока свою, пока ещё цветущую мать?

И эти ребята в комбинезонах и пилотках пока не сомневаются, что всё у них будет в порядке, ведь все трудности уже пережиты их родителями, для того чтобы им жилось легче. Да разве можно сейчас предвидеть, что ожидает и их, и их будущих детей, вместо официально объявленного к восьмидесятому году пришествия «Золотого века»? ... Ведь сыновья достигнут их возраста, когда Армия предстанет клубком проблем, клоакой. И они, будучи родителями, пойдут на всё, дабы избавить свои возлюбленные чада от, ставшей почти невыносимой и смертельно опасной службы, от того Ружья, что будет палить без удержу... И Саша Грамахин не мог предвидеть, что ожидает его там, в тении будущего – успеет ли, достигнет ли таких должностей и званий, чтобы посылать на смерть, а не быть посылаемым. В то, другое время, когда выстрелит Ружьё.

– Ну вот... уже ищут, – привычно соорудил гримасу мученика Елсуков.

– Кручинин... где вы там!? – уже отчётливо слышался голос Кухарчука.

– Всё, кончай привал, пошли трансмиссию драить, – со вздохом сожаления проворчал Каретник и стал подниматься.

– Чёрт... и про время-то забыли совсем, больше часа, наверное, тут провалялись. Нас же всего на полчаса отпускали, – забеспокоился Кручинин.

– Да не спеши ты Володь, успеем ещё наслужимся, – с неспешной рассудительностью, как бы придержал его Валера.

И Володя послушался, неожиданно виновато улыбнулся в ответ и совсем уже без командирских интонаций обратился сразу ко всем:

– Верно, успеем ещё... Давай ребята потихоньку потопали, а как «замка» увидим шагу прибавим. Силёнки-то беречь надо, нас, вон, на гражданке ждут, – он с улыбкой кивнул в сторону противоположную полигону.

Так они и пошли не торопясь, обходя деревья, туда, где их ожидали танки и лейтенант Грамахин.

Гречневая каша

Мать неожиданно уехала в служебную командировку и Ирине, студентке-второкурснице, предстояло два дня исполнять ее домашние хозяйственные обязанности. Казалось, ничего особенного, что за дела убирать квартиру, да кормить завтраком и ужином уходящего на работу, и приходящего с нее же отца. Ей и самой казалось, что со всем этим она справится шутя. Утром первого дня они позавтракали еще тем, что приготовила перед отъездом мать. Но вечером ужин уже готовить предстояло самой Ирине. Придя домой, после шести часов институтских занятий, она наскоро убралась, и стала прикидывать, что бы приготовить на ужин.

Стояла середина семидесятых годов. Это было время, когда уровень жизни в СССР достиг своей наивысшей отметки. В магазинах, особенно больших городов имелся еще сносный выбор как продовольственных, так и промышленных товаров, люди из бараков и хибар постепенно перебирались в хоть и тесные, но благоустроенные квартиры. Как никогда казалось, что ведомая мудрой партией Ленина страна, в дальнейшем заживет еще лучше... Впрочем, не будем забегать вперед и останемся пока во времени относительно сытого и спокойного «застоя».

Ирина пересмотрела запас продуктов, заготовленных матерью. В холодильнике лежали: кусок сливочного масла граммов на триста, две консервные банки шпротов, одна печени трески, и два десятка яиц. По дороге из института Ира купила полкило «отдельной» колбасы, и кое что из фруктов и овощей... Южный город, сентябрь и цены на всевозможные плоды и зелень были низкие. Приготовить картошку? Но Ире не хотелось слепо копировать мать, которая чаще всего готовила именно отварную или жареную картошку. Ей хотелось приготовить нечто, чтобы отец сразу почувствовал особую о нем заботу любимой дочери. Их стол, стол обычной среднестатистической советской семьи из 3-х человек тоже был самый, что ни на есть средний – не голодали, но и особых разносолов тоже не водилось. В будние дни на ужин обычно подавались либо уже упоминавшаяся картошка, либо яичница с жареной колбасой. Ира интуитивно, по привычке и купила «отдельную», собираясь, как обычно делала мать, зажарить ее, залив яйцами... но передумала. Открыв буфет, она стала перебирать пакеты с крупой. На глаза попался рис. Приготовить рисовую кашу и сдобрить ее сливочным маслом, а колбасу подать как закуску? Но это тоже, хоть и не часто, готовила мать. Нет, надо что-то... В дальнем углу буфета стояла большая жестяная банка. Ира открыла ее. Там оказалась гречневая крупа. Почему-то мать никогда не готовила дома гречневую кашу. Ира за всю свою жизнь ела её считанное количество раз и все вне дома. Как-то, когда они с матерью гостила у тетки, та накормила их такой вкусной кашей, что Ира не удержалась и попросила научить ее готовить. Никаких особенных секретов в приготовлении гречки не оказалось. Она готовилась почти так же как рис и пшенка. Ира решила, она поразит отца именно гречневой кашей, которую мать готовить избегала, а она приготовит и приготовит так...

Каша удалась на славу. Сама юная хозяйка, попробовав, с трудом удержалась, чтобы дожидаться отца и не поесть раньше. Она с нетерпением ожидала похвалы своим кулинарным талантам. Когда отец, которого звали Владимир Федорович, в седьмом часу вечера пришел с работы, дочь радостно ему сообщила:

– Папка, ужин готов! Мой руки, и садись за стол. Не знаю, как у меня получилось, ты попробуй и скажи.

Вид сияющей Ирины говорил сам за себя – она не сомневалась, что приготовленная ею каша, аккуратно нарезанная колбаса и темно-красные ломти душистого арбуза, все это придется отцу по вкусу. Она уже все перепробовала. И зная, что их с отцом вкусы всегда совпадают, не сомневалась в успехе.

– Спасибо дочка, не беспокойся, не такой уж я голодный, могу чего и попроще...

Владимир Федорович вышел из ванной, прошел на кухню, где его дожидалась горкой уложенная в тарелку гречневая каша, щедро помазанная сливочным маслом. Он увидел эту кашу и... осекся, замолчал. Добрая улыбка, до того не сходила с его лица. Он готов был проглотить что угодно, даже перегоревшее и пересоленное, при этом все это неустанно нахваливать. Нахваливать, лишь бы не обидеть дочь, оставшуюся за хозяйку в доме. Но при виде гречневой каши, его улыбка самопроизвольно сползла с лица, которое начало медленно но неотвратимо бледнеть, будто из него постепенно уходила куда-то кровь. Ира не могла осознать реакции отца:

– Папка, что с тобой... тебе плохо!?

Отец несколько секунд молчал, потом справился с собой и невнятно, словно у него что-то случилось с горлом, произнес:

– Спасибо Ира... не надо... ты... ты ешь, а я хорошо сегодня пообедал на работе, в столовой... Извини, я что-то совсем не хочу ужинать. Не обижайся дочка, действительно, совсем не хочется, аппетита нет... Я лучше полежу пойду, голова разболелась...

2

18 августа 1941 года в день советской авиации в небе над Западным фронтом «висели» только немецкие самолеты. С утра на позициях энской пехотной дивизии Красной Армии немцы белым дождем разбросали листовки: «... не ждите, ваших самолетов не будет, мы их все уничтожили... сдавайтесь, сопротивление бесполезно... эта листовка будет служить пропуском для добровольно сдавшихся...». Тем не менее, измученные постоянными боями, артиллерией и авиабомбёжками противника красноармейцы все же надеялись, что хоть в этот день, наконец, в небе появится наша авиация, хотя бы один «ястребок», хоть один фанерный У-2... Увы, надежды не сбылись. После листовок позиции дивизии почти час непрерывно перепархивали бомбами «Юнкерсы», потом немецкая артиллерия, потом, как и положено, пошли танки с пехотой. Немцы, видимо, именно к этому дню приурочили начало своего наступления. Фронт дивизии, в котором всего третью неделю находился 19-ти летний новобранец Володя, прорвали в нескольких местах. Связь штаба дивизии с полками сразу нарушилась. Не имея возможности взаимодействовать, полки дрались каждый сам по себе, кто-то продолжал стоять на своих позициях, кто-то с боем отходил, кто-то обратился в паническое бегство. Хотя, конечно, приказа отступать не было, и быть не могло, и не только потому, что связь со штабом дивизии отсутствовала. Новый комдив, назначенный несколько дней назад вместо прежнего, отданного под трибунал за неумелое командование... Так вот, новый комдив твердо заявил, чтобы об отступлении все и думать забыли, что сам он этого слова не знает. Так что командиры полков наверное даже обрадовались, что связь с вышестоящим штабом отсутствовала, и у них появилась возможность действовать самостоятельно, то есть отступать. А чего же еще оставалось делать, если противник во всех отношениях сильнее и владеет стратегической инициативой.

Как получилось, что все отделение Володи оказалось в тот день без котелков? Да все от того же немецкого наступления. Во время авианалета осколки от бомбы пробиты термоса, в которых каждый взвод получал пищу на полевой кухне. В условиях боя взводному ничего не оставалось, как приказать командирам отделений собирать котелки с каждого отделения и отрядить по одному бойцу с ними для получения завтрака. Бойцу, назначенному из отделения Володи всего и надо было, пройти триста метров в тыл, получить завтрак и вернуться назад. Но едва кончился авианалет, начался артобстрел, потом пошли танки. В общем, завтрак так и не состоялся и про посланного бойца забыли, а он как сквозь землю провалился со всеми котелками. Да, в общем-то, и не до него, не до завтрака было. Сначала расчеты противотанковых пушек «сорокопяток» довольно успешно сдерживали атаки танков, а засевшие в окопах пехотинцы винтовочно-пулеметным огнем отсекали пехоту. Три бронированных машины

остались дымить как раз напротив позиций володиного взвода. Немцы отступили и изменили направление атаки, вся масса танков навалилась чуть левее на стык позиций двух батальонов. Почему-то этот болотистый участок метров в тридцать-сорок остался совершенно «бесхозным». То ли не попал в зону ответственности ни того, ни другого батальонов по чьему-то недосмотру, то ли понадеялись, что в это болото тяжелые немецкие танки все равно не полезут. Но танки смогли там пройти, несмотря на то, что обороняющиеся спохватились и перенацелили на «болото» огонь батарей с позиций обоих батальонов. Несколько машин прорвались в тыл обороняющихся и обойдя позиции принялись утюжить окопы, давить приземистые «сорокопятки», если расчеты не успевали их вывести с оборудованных позиций и развернуть на прямую наводку...

Ценой огромных потерь, гранатами и прямой наводкой уцелевших орудий, прорвавшиеся танки удалось подбить и эту атаку отразить. Но стало ясно, батальон настолько обескровлен, что следующую атаку уже не выдержит, не лучше положение было и у соседей. Полку, ничего не оставалось кроме немедленного отступления, ибо, по всему, после обеда немцы готовили решающую атаку. А тут еще, судя по канонаде и слева, и справа, соседние полки не смогли удержаться на позициях и отходили, создавая опасность окружения. Связь со штабом дивизии восстановить так и не удалось, и командир полка отдал приказ об отступлении.

А тот боец с котелками... он так и не появился ни во время боя, ни потом, когда поступила команда сниматься с позиций и отходить. Организованного отхода, однако, не получилось. Идти пришлось пешком по разбитой проселочной дороге, лесом. Сначала попали под обстрел дальнобойной артиллерии немцев. Чтобы выйти из зоны обстрела пришлось бежать что есть силы, кое кто бросал винтовки и боеприпасы, чтобы легче было. Уже во время этого бега нарушился строй, перемешались взводы, роты, батальоны, кто-то отстал, кто-то остался лежать. Потом опять налетели «Юнкерсы». Здесь уже пришлось разбежаться по лесу и укрываться под деревьями. Бомбили минут двадцать, а когда улетели, а отступавшие стали вновь выходить и вылезать на дорогу, оглушенные, контуженные, раненые... Тут уж вообще все смешалось. Володя не мог найти ни ротного, ни взводного, ни командира отделения, все шли скорым шагом, одной общей кучей, в которой уже не было ни рот, ни батальонов. Он старался не думать о том, что на дороге и в лесу осталось много убитых и раненых, утешая себя ничем не оправданной мыслью, что их похоронят и подберут те, кто идет сзади. А сзади оставались только арьергардные роты, прикрывавшие отход и саперы, которые должны были взорвать орудия и боеприпасы, те что из-за недостатка транспортных средств приходилось оставлять. Володя это знал, но так же, как и все прочие наклонив голову и утирая пот спешил по разбитой колее вперед, на восток, подальше от неминуемой гибели или плена. Канонада сзади стихла, там, где оставались на верную гибель две роты прикрытия уже не стреляли. Немцы на танках, или мотоциклисты могли вот-вот настичь и навалиться сзади, это стимулировало, и люди почти бежали, если были силы, а если не было падали, оставались на дороге, провожая тоскливыми взглядами уходивших.

День выдался погожим, солнечным, но Володя не замечал, ни благоухания трав, ни прелести леса, не слышал птичьей разноголосицы. За неполный месяц войны он успел столько увидеть смертей, и что еще страшнее искалеченных, изуродованных тел, оторванных конечностей, обонять сопутствующие всему этому запахи, что уже не мог воспринимать окружающий мир как прежде. И еще одно ощущение не давало ему возможности думать ни о чем другом, кроме одного – чувство голода. На войне вообще очень часто хочется есть, а он не ел со вчерашнего вечера, после которого прошла ночь, напряженный бой и тяжелый марш...

Остановились, пройдя полубегом километров десять-пятнадцать. Остановились тоже без команды, самопроизвольно, потому что на лесной поляне стояли их полевые кухни. Целые и невредимые, они слегка попыхивали трубами, словно поджидая бойцов. Все, опять же безо всякой команды бросились к ним. Правда, здесь толкучки почти не возникло. На радостях,

что и от немцев ушли, да еще можно подкрепиться бойцы самопроизвольно встали в очередь. Ну, а Володя тем более обрадовался возможности одновременно, и позавтракать, и пообедать. Уже когда подходила его очередь Володя вспомнил, что у него нет котелка... Все на месте, винтовка, подсумок с патронами, вещмешок, скатка, пилотка, документы, ложка... а котелка нет. Он растерянно вышел из очереди.

– Ты, кажись, хлопчик, из третьей роты будешь? – спросил, взглядываясь в него, пожилой старшина-интендант, распорядившийся раздачей пищи

– Так точно, – автоматически ответил Володя.

– Ну, так чего стоишь как неродной, давай свой котелок?

– Нету... утром отдал и все... тут бой начался... – не очень внятно пояснил Володя.

– Чтооо... котелок потерял!? Ты бы лучше голову потерял. А котелок солдату все равно, что оружие, терять никак нельзя! – возмутился старшина. – Ладно, борщ мне тебе некуда наливать, не в пилотку же, а вот кашу давай, карманы подставляй, в них насыплю.

– Как это в карманы!? Нет... я лучше у кого-нибудь котелок попрошу, – Володя был очень чистоплотен, и никакой голод не мог заставить его поступить так, насыпать горячую кашу прямо в карманы... и потом есть.

– Ну, пошукай, пошукай... только не долго, слышишь немец вот-вот подойдет. Мы здесь не больше получаса стоять будем, – укоризненно покачал головой старшина.

Володя отошел от кухни и, пошатываясь от усталости, пошел по поляне, взглядываясь в небритые, обветренные лица солдат, спешно хлебающих первое, борщ с капустой, и второе, гречневую кашу с тушенкой. Он непроизвольно сглатывал слюну, но никого мало-мальски знакомого не увидел. Казалось, здесь на этой поляне не находилось ни одного человека не то что из их отделения, но и из взвода. Кое-кого он с трудом припоминал внешне, вроде они из его роты, но он с ними не был лично знаком. Минут десять Володя ходил от одной группы лежащих на траве и поглощающих обед бойцов к другой, приглядываясь к одиночкам... Конечно, рано или поздно он бы нашел того, кто бы одолжил ему котелок, даже если то оказался и незнакомый ему боец. Но тут, буквально все две-три сотни человек, собравшихся на поляне, повернули головы в ту сторону, откуда пришли, на Запад. Их привлек с каждым мгновением все более слышимый, приближающийся мощный звук танкового двигателя и характерный лязг гусениц... Повисло тревожное ожидание, кто-то стал спешно собираться. Но с той стороны по дороге продолжали прибывать новые группы красноармейцев, уставших, едва волочащих винтовки и вещмешки – они шли довольно спокойно, будто не слыша за спиной этого злоеющего лязганья. Один из вновь прибывших увидев выражения лиц «обедающих», успокаивающе махнул рукой:

– Не бойсь... это наш, КаВешка идет!

И в самом деле, вскоре, уминая своими широкими траками рыхлый, разбитый колесами и авиабомбами проселок на поляну выкатился танк, с большой башней и короткой пушкой, облепленный бойцами, со звездами на башне. Грозно лязгнув и выдохнув топливный перегар, танк остановился рядом с Володей.

– Спасибо братцы что подвезли, – сказал один из сидящих на броне, после чего бойцы прыгали на землю и, доставая котелки, поспешили к кухням.

Из башенного люка вылез и с ловкой грацией спрыгнул рослый ладный танкист в рубчатом шлеме, из под которого пышно выбивался русский чуб. И вообще на фоне всеобщей растерянности, неряшливости и измученности, он был какой-то молодежаватый, чистый, удалой. И шлем на нем сидел красиво, и комбинезон облегал его так, будто шился в ателье на заказ, удачно подчеркивая широкий разворот плеч и узость талии. Спокойно с полуулыбкой оглядев спешно хлебающее и жующее воинство, танкист, у которого из под комбинезона виднелся гимнастерка с чистейшим белоснежным подворотничком и петлицами со знаками различия

старшего сержанта... Он обратился к молодому бойцу, стоявшему рядом и во все глаза рассматривающего его и вылезших из танка вслед за ним его товарищей-танкистов:

– Слышь, браток, здесь у вас кроме кашеваров, есть какое-нибудь начальство? Нам бы доложиться надо, лучше лично командиру 3-го полка майору Кононову. Ты-то сам из третьего?

– Из третьего... Здесь все из третьего. Но нет здесь командира полка. Посмотрите, может кого из офицеров и найдете. Вон к старшине который кухней командует подойдите, он наверняка знает. Я вот сам ни роты, ни взвода найти не могу, – тоскливо ответил Володя.

– Понятнооо, – раздосадовано протянул старший сержант, но тут же его глаза обрели веселый блеск. – Но нет худа без добра... Может, подхарчимся сначала, как думаете ребята!? – повернулся он к своему экипажу.

– Да нам тут навряд ли дадут, мы ж на довольствии-то в их полку не поставлены, тут наверное только своих кормят, – неуверенно ответил худощавый башенный стрелок.

– А это мы сейчас поглядим, – командир танка вновь повернулся к Володе. – Слушай не в службу, а в дружбу, помоги. Действительно, нас тут могут и не покормить, а мы с самого утра не жрамши. Понимаешь, с самого ранья получили приказ выдвинуться в ваш полк и укрепить оборону, так сказать, огнем и блеском стали. Вот движемся, а тут нам навстречу все сломя голову, кто конный, кто на машине, а больше на своих двоих. Отступаем, говорят. А там уж не отступление, а сплошное беспорядочное бегство. Ну, мы с дороги-то съехали, чтобы не загоразивать, в лесу постояли, часа два. Тут фрицы с неба налетели, но нас не заметили... А ваши все бегут и бегут. Конца краю нет, и вот также никакого командования, пару раз офицеров видели, но не старше капитана, те тоже ничего сказать толком не могут, приказано, говорят, отступать. Ну что тут делать, фрицев дожидаться? Так и не дождались мы никого из вашего штаба, кто-то сказал, что они по другой дороге отступили. Мы тогда, значит, ваших вон на броню сколько смогли посадили, да тоже газу до полика притопили. Ну, вы ребята драпать здоровы, еле успели за вами, – натужно засмеялся танкист.

Володя молчал, даже не улыбнувшись в ответ. Танкист понял, что веселость здесь совсем не к месту, спросил уже серьезно:

– Что бой был сильный... потери большие?

– Да... много там положили, да еще в лесу артиллерией и «Юнкерсами» накрыли, когда отходили. Раненых даже не успели вывезти, – нехотя ответил Володя.

– Понятно, – тяжело вздохнул и сразу помрачнел танкист. Тактично помолчав, вновь спросил: – Ну что, поможешь? Возьми наши котелки и скажи своим кашеварам, что для раненых, дескать, они сами подойти не могут. Или еще что соври, а то прямо мочи нет смотреть, как тут все жрут кругом...

– А мне котелок дадите?... – с надеждой попросил Володя.

– Котелок?... Да мы тебе сразу четыре дадим, – не понял просьбы танкист.

– Нет, мне самому котелок нужен, а то я свой, того, в общем, потерял и тоже поесть не могу.

– Ах, вот ты о чем, – вновь заулыбался командир танка. – Мы твоему горю поможем. Мы ведь танкисты, люди запасливые. Саня слазай, дай этому товарищу по оружию запасной котелок, и наши заодно захвати.

Тот самый худощавый башенный стрелок, видимо пользовавшийся особым доверием командира, полез в танк и вскоре появился оттуда сразу с пятью котелками.

– Держи... Давай двигай, только побыстрее, а то не ровен час фрицы налетят, поесть не успеем, – сержант поднял глаза к небу.

– Вам как... во все первое, или в половины первое, а в остальные второе, – спросил Володя, обрадованный, что его мучения разрешились, и он тоже впервые за день поест.

– Как ребята, первое будем? – вновь обратился к своим сержант.

– Да ну его... видел я тут один пробежал с этим первым, одна вода и капуста. Пусть лучше каши побольше возьмет с тушенкой и хлеба, – отозвался коренастый заряжающий. Остальные согласились.

– Ты чего это... сразу столько несешь, то ни одного, а то сразу пять, а не слипнется столько жрать? – с иронией спросил старшина. А стоящий за ним кашевар с черпаком в руках протяжно заржал, обнажив желтые зубы.

– Да я это... мне... я своих ребят из взвода нашел... там раненых много, вон на танке привезли, они сами идти не могут, – немного волнуясь, озвучил то, что придумал танкист Володя.

– Ой, врешь хлопчик, – недоверчиво покачал головой старшина.

– Тарасыч? Да черт с ним, скорее разгрузимся да поедем, опасливо покосился на небо кашевар. – Торчим тут как шиш на ровном месте, разбомбят, как пить дать, и лошади выпряжены, отъехать не успеем.

– Ладно, давай свои котелки... Так и быть получай на своих раненых, – насмешливо проговорил старшина и невольно прислушался, повернул голову в ту сторону откуда из леса продолжали подходить и одиночки и группы бойцов, и сразу подъехали две полторки одна из которых была с красным крестом... откуда все явственнее слышалась пока еще не очень близкая канонада. По всей видимости, немцы догнали арьергард полка и там шел бой... а может и просто избиение, ибо опытное ухо могло по звуку определить – это стреляют немецкие танковые орудия.

Володя не забыл пожелания танкистов, упросил кашевара насыпать только каши с тушенкой, но вот с хлебом произошел облом, хлеб уже кончился. Он пошел назад к танку, стараясь не выронить содержимого котелков. И хоть ему было очень неудобно, но он донес все. Танкисты тоже слушали канонаду и негромко переговаривались:

– Т-4-е, тяжелые, – определил по звуку выстрелов тип немецких танков башенный стрелок.

– Эх, и мы ведь сейчас там бы должны быть, – на этот раз довольно нервно высказался командир.

– Да что бы мы там одни смогли? Видишь бегут все без оглядки... Сожгли бы нас и все дела, возразил коротконогий механик-водитель.

– Не вини себя Коля. У тебя приказ какой? Явиться в распоряжение командира полка, чтобы он нам задачу поставил. А где он этот командир полка, может его уже и в живых нету? А соваться наобум, это наверняка и себя и машину сгубить. У нас и так танков почти нет, – явно пытался утешить командира стрелок.

– Может ты и прав, – согласился командир, уже не казавшийся уверенным и молодецва-тым.

Повернувшись, он увидел Володю обвешанного дымящимися котелками. Его комичный вид вновь вернул сержанту хорошее настроение.

– А, брат по оружию... молодец. Самое время сейчас подкрепиться. Спасибо выручил.

– Только, это, ребята... извините, хлеба нет, кончился, – виновато проговорил Володя, отдавая котелки танкистам.

– Это, браток, не беда. Я ж тебе говорил, мы народ запасливый. У нас сухари имеется, так что не пропадем... Ты как, не боишься зубы сломать, сухари будешь?...

Володя пристроился неподалеку. Достал из-за голенища ложку и начал жадно есть пахучую гречневую кашу, заедая ее полученными от танкистов сухарями. Танкисты же приступили к еде с относительным комфортом. Они разогрели на горячих стенках своего машинного отделения, так называемой трансмиссии, воду, сделали чай и запивали им кашу и сухари. Увидев это, Володя вновь подошел к танкистам.

– А вы мне кипяточку не нальете, – вежливо попросил он.
– О чем разговор, кружку-то ты не потерял? Давай пользуйся, пока у нас движок горячий...

3

Что надо человеку для счастья? Все зависит от жизненной ситуации, в которой он находится. В тот момент Володя был совершенно счастлив. Он пережил такой бой и остался жив, так сказать, в схватке с внешним врагом, а сейчас отбивал атаку врага внутреннего, голода. Он уже не прислушивался к тому, о чем переговариваются танкисты. По всему, это был очень дружный экипаж, отсюда то и дело раздавался негромкий смех, под перестук ложек о стенки котелков. Однако возглас их командира сразу прервал и смех и стук:

– Эх ты, мать честная... никак наш командир дивизии катит... Точно, его Эмка. Может он даст команду, как нам быть и куда выдвигаться?

– Не лезь Коля... Я слышал про него, что он психованный и дурной бывает, – раздался в ответ предостерегающий голос стрелка.

Володя посмотрел в ту же сторону, куда смотрели танкисты с высоты своей машины. На дороге, объезжая воронки и газуя, двигалась штабная легковая машина. Она остановилась в метрах десяти-пятнадцати от танка. Из нее вылез полковник в сбитой на затылок фуражке с лихорадочным, нездоровым блеском бесцветных глаз, с расстегнутым воротом гимнастерки и расстегнутой кобурой.

– Это какой полк, третий!? Командира полка ко мне! – скорее взвизгнул, чем крикнул полковник.

Не дождавшись никакой ответной реакции от грязных, перевязанных, но упорно продолжающих жевать бойцов, он стал беспокожно осматриваться.

– Командиры батальонов, рот, взводов!... Есть тут кто-нибудь из комсостава!? – продолжал визгливо вопрошать полковник.

Конечно, на поляне и рядом были офицеры. Володя сам видел, как они подходили к кухням, и с одним капитаном, с перебинтованной головой, кажется командиром батальона, занимавшего соседние с ними позиции, о чем-то разговаривал старшина-интендант. Почему этот капитан, явно старший по должности, среди отступивших сюда, не принял общего командования? Может серьезно ранен, хоть на ногах вроде держался крепко, а может просто сам только подошел и не успел, а у старшины выяснял есть ли здесь кто из офицеров штаба полка... Так или иначе, но сейчас ни капитан, ни кто другой из офицеров не отозвались на команды командива, явно попрятались, не желая подвернуться под горячую руку полковника, про несдержанность и дурной характер которого уже ходили слухи. Даже старшина, до того монументально маячивший рядом со своими кухнями, сейчас куда-то исчез вместе со своими подчиненными – кухни стояли без obsługi, сиротливо попыхивая жидким дымком из труб.

Полковник, конечно, видел стоящий на дороге танк, более того он не мог ехать дальше потому как тот загоразивал дорогу. Но он хотел сначала вызвать какого-нибудь старшего офицера и при всех громогласно отчитать: что такое, почему бросили позиции, почему бежите, почему жрете вместо того чтобы сражаться... И еще он обязательно хотел спросить почему столь грозное оружие как тяжелый танк КВ тоже отступает, бежит, а экипаж сидит на броне с котелками и тоже жрет... Кто во всем этом виноват, кто ответит!? И тут же он назначит виноватого и передаст в руки майора, начальника особого отдела дивизии, что сидит на заднем сидении его машины.

Но к нему так никто и не вышел, не подбежал с докладом, держа руку у виска. Казалось, на всей поляне лежали только солдаты, и уткнувшись в котелки ели с такими лицами, будто все, что происходит вне этого их жующего действия их совершенно не касалось и не интересовало...

Связь с полками в штабе дивизии отсутствовала с самого утра. То ли диверсанты перерезали, то ли еще что. Он не знал, что творится на позициях, посылал связных. Те не возвращались, или докладывали, что полки отступают, бегут. Как бегут... почему бегут? Он не отдавал приказа об отступлении. Связался со штабом армии, доложил, правда, не о том, что его полки бегут, а всего лишь, что потерял с ними связь. Командарм его отmaterил и приказал самому ехать в полки и выяснить обстановку. Ничего не оставалось как, прихватив с собой особиста, ехать, чтобы попытаться остановить бегущих, заставить их контратаковать и вернуть позиции. Ведь иначе... Он даже не хотел думать о том, что может ждать его лично, если дивизия не удержит позиций. И вот он видит один из бегущих полков. Он хотел их тут же поднять, построить, пристыдить, послать в бой... Но как это сделать, если не возможно найти ни одного офицера, а солдаты делают вид что его не видят и не слышат. Это уже не полк. Это какое-то неорганизованное сборище...

Нет, полковник не растерялся, он буквально закипел от злости и бессилия. Даже отдать под трибунал некого, не этих же жующих гречневую кашу рядовых. Он еще раз огляделся и уперся взглядом в танк. Это был КВ, тяжелый танк, гордость всей Красной Армии. Но и он стоял «лицом» на восток, и он отступал, бежал... КВ... это означало сокращенное Клим Ворошилов, легендарный воспетый в песнях красный маршал. Тут же на ум полковнику пришла история-байка, что уже не первую неделю ходила по всем штабам Западного фронта. Поступок маршала ставили в пример всему высшему командному составу: вот так надо поступать с паникерами и трусами. А случилось, якобы, вот что. Ехал себе маршал вот так же в машине инспектировать боевые соединения. Подъезжает к фронту, а навстречу ему вот так же целый полк бежит, бросив позиции. Маршал вышел из машины, солдаты увидев с детства по книгам, фильмам и газетным снимкам знакомое лицо и маршальские звезды сразу остановились. Ворошилов вызвал командира полка. Тот подходит весь от страха трясется. Маршал ему приказывает прекратить отступление и контратаковать. Комполка отвечает, что сделать этого не может по тем-то и тем-то причинам. Тогда маршал достает пистолет и тут же при всех его самолично расстреливает, вызывает заместителя и приказывает уже ему принять полк и идти в контратаку. Полк атакует и возвращает позиции... Что в той истории являлось правдой, а что вымыслом, и было ли это на самом деле никто по хорошему не знал, но сейчас полковник вдруг решил поступить так же. Надо любым способом заставить себя слушаться, внушить страх, заставить себя бояться и подчинить своей воле. Просто так он не мог никого сейчас принудить, даже если сорвет голос... Но если кого-то, прямо сейчас на глазах у всех... лучше, конечно, офицера, но их рядом не оказалось, ни одного.

Командир танка не мог не привлечь к себе внимания – крупночертый, рослый, подтянутый... красивый. Среди всех этих измученных, грязных, потных, перебинтованных... он смотрелся как киногерой из патриотических фильмов довоенной поры. Именно его внешность и гордая осанка привели к тому, что выбор комдива пал на него.

– Старший сержант, ко мне! – пронзительно, чтобы слышали все, не только на поляне, но и прятавшиеся в лесу за деревьями, заорал полковник.

Командир танка побледнел, но не потерял самообладания. Он легко спрыгнул с борта своей машины, оправил комбинезон, стряхнул с него крошки, поправил шлем и, сняв свой котелок с недоеденной кашей с брони танка, поставил его на землю. Видимо, даже в этот момент он подумал, что будет не очень хорошо смотреться, если командир дивизии во время доклада, будет сзади на уровне его головы лицезреть этот котелок... и чтобы он случайно не попал в поле зрения полковника, сержант опустил его на землю. Так мог поступить только очень аккуратный и не теряющийся ни в каких ситуациях человек. Печатая строевой шаг, насколько позволяла разбитая дорога, танкист подошел к полковнику и начал четко докладывать:

– Товарищ полковник, докладывает командир танка старший сержант...

Но полковнику не нужен был его доклад, не нужны были превосходные качества этого человека, в том числе и военные. Ему нужна жертва. А кто ею станет, действительно какой-нибудь трус и паникер, или случайный человек, или даже храбрец, способный на героический поступок... Сейчас это для полковника не имело никакого значения. Ведь он должен любой ценой заставить этих людей себя слушаться, заставить идти в бой, а для этого его должны бояться больше чем противника, от которого они бегут. От этого напрямую зависит и его судьба, карьера, жизнь, наконец. Ведь если бегство не остановить, то и его, наверняка, как и предшественника не только снимут с должности, но будут судить. Таких примеров было сколько угодно. Случалось, что отдельных комдивов разжаловали, понижали в должностях и посылали в окопы командовать батальонами, в лучшем случае полками, а бывало что и ротами. Нет, он в окопы не хотел, ведь там жизни твоей цена – копейка...

– Молчаать!!... Сволочь, я тебе покажу, как бегать от врага, я вас научу!! – полковник сам себя заводил, явно стараясь привлечь внимание как можно большего числа окружающих людей. И это ему удалось. Все кто собрались на поляне, или прятались с ней рядом, напряженно следили за развертывающимся на их глазах «спектаклем», даже те, кто продолжал жевать, и глотать пищу. – Я тебя куда посылал, сволочь!? Почему такое грозное оружие доверенное тебе страной, народом, не задействовано в бою... почему отступаете, бежите?!... Молчаать!! – полковник в очередной раз прервал попытку танкиста, что-то объяснить, и тот так и стоял с ладонью, приложенной к рубчатому шлему. – Тебя, сука... за бегство с поля боя... за трусость и паникерство!!...

Все, кто слышал полковника, не сомневались, что сейчас будет объявлено о предании его суду военного трибунала, или еще что-то в этом роде, но то, что произошло, не ожидал, наверное, никто. Как полковник смог молниеносно выхватить свой пистолет? Видимо он еще в машине просчитал все свои действия, и поэтому заранее расстегнул кобуру. И хоть руки его дрожали, но импульс-приказ шедший от мозга был настолько силен: убей его, убей, чтобы выжить самому, чтобы не лишиться генеральской должности, чтобы не попасть под суд... убей, чтобы испугались другие и подчинились тебе... убей, убей...

Полковник выстрелил прямо в лицо старшего сержанта. Это случилось так быстро, что танкист даже не успел опустить руку. Он подался назад, но не упал, а рука по-прежнему словно одеревенев отдавала честь. То, что сержант не упал, совсем взбесило полковника:

– Сволочь!! Тебе мало, ещё получи, я тебя научу!!! – визгливо выкрикивал он, посылая пулю за пулей в широкую по молодецки развернутую вперед грудь...

Танкист сделал еще несколько шагов назад к танку, и, наконец, безвольно опустив руку, беззвучно упал на спину, причем его голова оказалась рядом с его же котелком, который он пару минут назад поставил на землю. Вокруг воцарилась тишина, в той степени, в которой была возможна, во всяком случае никто уже не ел, и никто ничего не говорил, не комментировал... Солдаты, видевшие много смертей, не могли поверить, что в относительно спокойной почти тыловой обстановке, полковник просто так убивает своего же старшего сержанта. Полковник уже не контролировал себя, он стрелял и стрелял, и когда танкист упал подскочил к нему, и оставшиеся в обойме патроны выпустил уже в лежачего. Танкист был мертв, но полковник не мог остановиться, он хотел еще ударить, унижить этого уже не подававшего признаков жизни человека. Увидел котелок с кашей стоявший возле головы убитого.

– Сволочь, жрать сюда приехал... я тебя накормлю... до отвала нажрешься, – с этими словами он ударом ноги опрокинул котелок на безжизненное лицо танкиста, и по всему собирався наступить на него и подошвой сапога размазать по нему кашу... Но тут... тут отчетливо, совсем близко не более чем в полутора двух километрах «заговорили» сразу несколько танковых орудий.

Полковник опустил уже занесенную ногу и настороженно прислушался. К нему от машины бежал майор-особист.

– Товарищ полковник! Это немцы! Надо скорее уезжать, они уже близко!

Слова майора моментально отрезвили полковника, он быстро спрятал пистолет в кобуру и, оглядываясь, поспешил к машине. Но быстро уехать не получилось. Пока эмка разворачивалась, потом буксовала в сырой колдобине... В это время башенный стрелок с мертвенно бледным лицом наклонился к своему лежащему товарищу, снял с его лица котелок, потом шлем с головы. Волосы убитого были льняные, а лицо... красивое лицо совсем еще недавно уверенного в себе молодого человека покрыла смесь крови и вареной гречки. Стрелок осторожно стал очищать это месиво с лица товарища и звать его:

– Коля... Коля... что с тобой... ты жив...

Когда осознал, что он мертв, убит... его лицо из бледного стало серым. Он поднялся, держа в руке шлем своего командира. Растерянно огляделся, словно ища у кого-то поддержки, совета. Но его товарищи стояли рядом и тоже не знали что делать. На глаза стрелка попала эмка, которая буксуя медленно удалялась... А вокруг уже возобновилась вселенская суэта, все словно забыли о том что только что случилось. Все быстро собирались – предстояло срочно отступить дальше. Лишь стрелок не суетился, он действовал быстро и четко, как, видимо, учил его командир. Вскочив на танк, он одним натренированным движением забросил свое тело в люк башни. Тут же башня задвигалась, как и орудие, лоя в прицел удаляющуюся эмку. Машина отъехала не более чем на пятьдесят-шестьдесят метров, но была уже на краю поляны и вот-вот должна скрыться за деревьями... Снаряд пришелся точно в багажник. Развороченная эмка сделала «прыжок» с дороги в сторону, ударилась о дерево, тут же рванул бензобак, и ее остатки охватило пламя.

Экипаж занес своего командира в танк, после чего двигатель взревел, броневая махина, крутанувшись на месте, развернулась и поехала в сторону приближавшегося боя. Высунувшись из башни, стрелок перекрывая звук двигателя закричал:

– Уходите, мы вас прикроем!

А мимо «факела», который представляла из себя эмка и ее пассажиры, первыми прогремели полевые кухни, которые тащили запряженные в них тощие лошади, следом потянулись солдаты, большинство даже не поворачивали голов в сторону горящей машины.

У Володи каша встала комом в горле, и он не смог ее доесть, потому что перед его глазами стояла эта гречнево-кروавая смесь на лице танкиста, ему казалась, что она же и в котелке. Он выбросил остатки каши. Но котелок... котелок он оставил себе, солдату нельзя без котелка. С тех пор он не мог есть гречку...

4

В глазах Ирины стояли слезы:

– Папка, ну почему ты мне про это никогда не рассказывал? Сколько раз я тебя просила, расскажи про войну, а ты отнекивался. Помнишь, когда еще в школе училась, там девочки отцов своих приводили на 9-е мая, они столько всего рассказывали, иногда такие хохмы... Я ведь то же думала, что война она... ну не такая как ты рассказал...

– Кто про те хохмы рассказывал, или не были на передовой, или сочинители. Правду вообще лучше не рассказывать, и не вспоминать. Я про то всегда забыть хотел. Помнишь, ты мне все спрашивала, почему я по телевизору военные фильмы никогда не смотрю. Там либо вранье, а если правда, то я опять все вспоминаю, что там было. Лучше вообще не смотреть. И гречку лучше не есть... Когда забываю, вроде могу жить, если вспомню – нету никакой мочи, потом сны снятся и голову словно обручем давит. Сколько за войну у меня всего случилось, и ранения и госпиталя, смертей сколько... А вот это... не могу, лицо того танкиста и каша

с кровью... Мать знает, она мне никогда гречку не готовит и сама не ест. А эту, что ты в буфете нашла, она для тетки твоей бережет. Уж больна та ее любит. Когда приезжает она ее ей отдельно готовит. Потому я тебе и не рассказывал, про то тебе вообще лучше не знать. Но раз уж так вышло, теперь и ты знаешь.

Шанс Виктора Позвоноглу

– Властимушие – это не боги, а люди с обыкновенными, присущими обычным смертным пороками и недостатками, – не раз говорил своему малолетнему сыну Виктору его отец, хирург больницы одного южного курортного города Семён Позвоноглу.

Такие речи в ту советскую эпоху были не безопасны и даже на кухне «истинные» советские люди говорить такое опасались. Но отец Виктора не являлся «истинным» советским и потому на окружающую действительность смотрел несколько иначе.

– Какими пороками и недостатками? – где-то лет в тринадцать решил уточнить Виктор.

– Ну, например, царь Николай обыкновенный подкаблучник, Сталин – урка, правда необыкновенный, а Хрущёв просто шут гороховый.

– А Брежнев? – с интересом осведомился Виктор о новом генсеке, год назад воцарившемся в Кремле, сместившим «шута горохового».

– Халявщик, – без тени уважения охарактеризовал отец и эту властвующую особу.

– Почему? – не понял отца Виктор.

– Человек, который в молодости на халяву крал мешки из вагонов, которые разгружал, никем иным быть не может, – наставительно пояснил отец.

Откуда родителю был известен этот факт из биографии генсека, Виктор так и не узнал. Отец вскоре бросил мать и, естественно, их с сестрой, обженившись на своей молодой ассистентке. Мать, заведующая одной из городских поликлиник, и без того часто болевшая, после ухода мужа совсем слегла. Через полгода она тихо скончалась, и Виктор фактически остался сиротой. Правда, сестра уже успела закончить медучилище и как могла заменяла ему мать. Но разве возможно молоденькой девушке, которая сама рвётся «жить да радоваться», посвящать себя полностью младшему брату?... Десятилетку Виктор кое-как закончил, но дальше... В институт с такими отметками в аттестате соваться было бессмысленно, идти по семейной дорожке в медучилище – отец никогда не советовал, да он и сам не хотел. Работать?...

Виктор считал отца предателем, но в то же время и очень умным, нестандартно мыслящим человеком. Его высказывания, советы он помнил и старался руководствоваться ими в жизни. Так вот, насчёт работы отец высказывался так:

– Лучше заниматься чем угодно, только не «вкалывать». Запомни, сынок, для того и становятся начальниками, чтобы не работать самим, а заставлять работать других. Но это не каждому дано, не каждый способен получать от этого истинное удовольствие, да и не так-то это легко, требовать, заставлять. Потому лучше всего в этой жизни устраиваются люди, которые делают вид, что работают. Например, освобождённые партийные и комсомольские работники, или замполиты в армии. Это первые халявщики – ни за что не отвечают, ничего не делают, только изображают кипучую деятельность и за это неплохо получают. Сейчас такое время – халявщик у власти, потому всем халявщикам хорошо.

Насчёт халявной жизни замполитов в армии отец знал по той причине, что как бывший армейский хирург, поддерживал связь со своими фронтовыми товарищами, оставшимися после войны в ранге военных врачей.

Крепко засели в голове Виктора отцовские «лирические отступления». Он не слыл активистом в школе и потому «рвануть» по комсомольской линии к вожделенной, нетрудной и перспективной работе шансов не было. Насчёт карьеры армейского политработника Виктор задумывался всерьёз, но не знал, как к этому делу подступиться – посоветоваться было уже не с кем. Проболтавшись год после школы, он в мае 1970 года был призван на действительную службу. Уже будучи солдатом, Виктор узнал, что и в армейские халявщики попасть непросто. Для этого необходимо поступить в военно-политическое училище...

В те годы статус офицера в стране оставался ещё относительно высоким. Оклад даже младших офицеров, как правило, раза в полтора превышал средний заработок рабочих и служащих. Тогда в военные училища ещё шли не только троечники, и для девушки считалось удачей выйти за офицера замуж. Тем не менее, «цена» офицера год от года падала. Служба по «дырам», нервная работа с личным составом и т. д. и т. п. Кроме этого, офицер просто сильно рисковал здоровьем: лётчик преодолевал звуковой барьер, локаторщик облучался высокой частотой, ракетчик бета и гамма излучением, химик тоже... Советские офицеры, увы, были не кавалергарды, ездившие на лошадях и имеющие на вооружении палаши, а для всевозможных услуг денщиков.

От всех этих «положительных» факторов конкурс в военные училища уменьшался и к семидесятым годам даже в такие привилегированные, как московское ВОКУ, минское ВИЗРУ, киевское ВИРТУ... не превышал двух-трёх человек на место, а в тех, что поплоче так и вообще наблюдался откровенный недобор курсантов и брали всех подряд, даже с двойками. И только военно-политические училища оставались желанными для очень многих молодых людей. В стране, где у власти стоял бывший армейский политкомиссар, политработники всех мастей были «на коне». Они не получали доз облучения, не бились головами о танковую броню... они отвечали за политико-моральное состояние воинских коллективов, то есть ни за что конкретно. Ну и ещё, они любили возглавлять всевозможные распределительные комиссии, типа лавочных, дабы быть поближе к промтоварному и продуктовому «корыту», что в стране всеобщего дефицита, значило очень много. Отсюда и конкурс в те самые училища ниже десяти человек на место не опускался.

Всё это узнал Виктор за год армейской службы, и решил, тем не менее, попробовать, постучаться в эту столь воделенную для многих «дверь». Он считал, что у него есть определённые шансы. Во-первых, он поступает не с гражданки, а с войск, к тому же во время службы он постарался, проявил не свойственную ему до того активность: стал комгруппоргом взвода, постоянно писал статьи в ротную стенгазету и всевозможные «боевые листки». В общем, в части, когда он стал оформлять документы на поступление, ему не препятствовали. Виктор понимал, скорее всего, конкурс окажется настолько велик, что все его положительные характеристики с места службы могут и не «сработать». На крайний случай он приберегал ещё один «факт» своей биографии, который считал главным выигрышным шансом...

Виктор служил в войсках связи и потому поступать приехал в Донецк. Именно там располагалось военно-политическое училище войск связи. С вокзала он не поехал сразу в училище, а решил побродить до вечера. Город его удивил, особенно после годичной службы в полугодичной, плохо обустроенной Горьковской области. Улицы чистые, в магазинах наблюдалось относительно продуктивное изобилие. Он же ожидал увидеть угольную пыль, грязь и пьяных, сквернословящих шахтёров. Впрочем, он слышал и раньше, что Украина живёт куда лучше России, сейчас убедился в этом воочию. Но особенно понравились в Донецке Виктору девушки. О... он знал в этом толк. Здесь едва ли не каждую можно было сравнивать со свежераспускающимися бутонами прекрасных цветов. На внешности именно женщин сказывался высокий по советским меркам уровень потребления и здоровый климат. В общем, город Виктору очень понравился, и он в отличном настроении и с твёрдым желанием, во что бы то ни стало поступить в Донецкое военно-политическое училище, явился под вечер в оное.

2

Перед сдачей вступительных экзаменов, абитуриентам, прибывшим с войск и уже успешным подрастерять школьные знания, полагались двухнедельные подготовительные сборы. Взаимоотношения между поступающими сразу установились напряжённые, в воздухе витал дух далеко не здорового соперничества. Виктор понял, что надо держать «ухо востро», ибо кон-

курс даже среди солдат и сержантов оказался весьма велик и поступить учиться «халявному» делу будет нелегко.

Конкурс стали уменьшать буквально с первого дня. Тех, кто по каким-то причинам опаздывал, или у кого оказались не в порядке документы... Таких без лишних слов заворачивали назад. Борьба с избытком стремившихся в «комиссары» шла и в самой абитуриентской среде. На второй день у одного из абитуриентов бесследно исчез комсомольский билет, и он, естественно, был незамедлительно откомандирован в свою часть. Виктор от греха зашил свой комсомольский, а заодно и военный билет в трусы, а перед баней выпарывал и зашивал в чистые. Ещё двоих отчислили после того, как они втихаря, после отбоя сходили в город, в самоволку. Никто их там не «застукал», они под утро благополучно возвратились... Но вечером следующего дня, старший сборов, старшина Франзен, собрал общее собрание абитуриентов, на котором самовольщиков буквально заставили пойти к дежурному по училищу и во всём сознаться. Остальные кандидаты в «политруки» молча одобрили этот произвол – уменьшался конкурс, росли шансы остающихся.

За две недели подготовительных сборов, едва ли не ежедневно кого-то «выталкивали». То у одного сыпь на лице обозначилась и «коллектив» требует его срочно госпитализировать и, естественно, исключить из списков, то, другой «отличился» в кухонном наряде и на него нажаловался начальник столовой... В такой нервной атмосфере Виктор сумел оказаться в числе тех, кто сохранил в целостности документы, кого не подвело здоровье, кто как наскипидаренный, без усталости мыл посуду в столовой, чтобы его не заподозрили в нерадивости... Всё он выдержал и дошёл до дня начала вступительных экзаменов. И вот здесь, уточняя списки абитуриентов, допущенных до экзаменов, начальник сборов, подполковник, заинтересовался диковиной фамилией Виктора.

– Позвоноглу, а кто вы по национальности?...

История с фамилией Виктора была интересная, необычная. Дело в том, что его нестандартно мыслящий отец по происхождению являлся румыном, правда почему-то не с румынской, а с чисто турецкой фамилией. И родился и вырос отец в Бессарабии, которая до войны входила в состав Румынии. А медицине Семён Позвоноглу успел выучиться также как гражданин Румынии аж в Бухаресте. В сорок четвёртом в Румынию пришла Красная Армия и молодого хирурга Позвоноглу, как выходца теперь уже с советской Бессарабии-Молдавии мобилизовали в эту самую Армию. За год войны, что отец провёл в качестве хирурга военного госпиталя он благодаря «золотым рукам» стал капитаном медицинской службы, там же встретил другого капитана медицинской службы, молодую русскую женщину, будущую мать Виктора. Из-за туманного происхождения, отец не мог рассчитывать на успешную карьеру военного медика после войны – он уволился. Но хорошие хирурги всегда и везде нужны. Они нашли место посытнее и потеплее. Там у Чёрного моря родились сначала сестра Виктора, а потом и он сам...

Гражданских абитуриентов понаехало видимо-невидимо и, что сразу получило широкую огласку, среди них насчитывалось немало с «лапами», и что конкурс для тех кто без «лапы» среди них достиг двенадцати человек на место. Виктор, пройдя первое «чистилище», готовился к следующим. Первым экзаменом было сочинение. К нему он подготовился таким же образом, как и подавляющее большинство всех прочих советских абитуриентов, не зависимо когда и куда поступающих – он имел массу оставшихся ещё со школы фотошпаргалок, которые ему загодя переслала сестра.

Экзамены солдаты и сержанты сдавали отдельно от гражданских. Списывали почти все, и успех зависел от качества «шпор». У Виктора они оказались хорошие – он получил четвёрку. Но далеко не у всех они были таковыми. Примерно из сотни с лишком «вояк», дошедших

до экзаменов, почти сорок человек написали неудовлетворительно. Виктор, видя как сразу поредели их «сплочённые» ряды, воспрянул духом. Ему казалось, что их уже и так много отсеяли и «сверху» вот-вот должна последовать команда, прекратить «валить» абитуриентов с войск. Они же не должны не понимать, что среди сотен курсантов пришедших с гражданки должен быть и костяк в несколько десятков, уже понохавших солдатской жизни...

Вторым экзаменом стала история. Этот предмет Виктор всегда знал относительно неплохо. Во всяком случае, в школе он получал хорошие отметки. Не мудрено, ведь при ответе по истории надо уметь и много говорить, даже если не всё знаешь. То есть иметь хорошо «подвешенный» язык. Что-то, а язык у Виктора всегда был что надо. Как ни странно, не все стремящиеся к столь явно говорливой профессии молодые люди обладали этим даром. После истории количество претендентов сократилось до пятидесяти трёх, ну а Виктор получил свою вторую четвёрку.

Оставался последний, самый трудный для Виктора экзамен, устная математика. В точных науках он не блистал в школе, тройки «выскребал» еле-еле, а сейчас и подавно забыл, то немногое, что там усвоил. На математику он, как и большинство прочих абитуриентов с гуманитарным складом ума, шёл со страхом... Тут обозначилась одна пренеприятная новость: некоторые абитуриенты, получившие на первых экзаменах двойки, вдруг объявились вновь. Им позволили пересдать и они опять влились в «сплочённые» ряды. Таковых оказалось четверо, и это означало, что «позвоночные» были не только среди гражданских абитуриентов.

На математике Виктору повезло, вернее он сумел изловчиться и взять заведомо счастливый билет. Этот билет предназначался для идущего по очереди сразу за Виктором «позвоночному» сержанту, который получил «пару» за сочинение. Билет лежал немного в стороне от прочих и Виктор, сообразив, что лежит он так неспроста, в наглую его цапнул, несмотря на попытки одного из экзаменаторов ему помешать... В билете оказалось: простейший арифметический пример, теорема Пифагора и система уравнений. Он решил пример, вспомнил теорему, систему не осилил... Потом были ещё дополнительные вопросы, но тройку Виктор уже не упустил. На судьбу «позвоночного» «ловкость рук» Виктора не повлияла. Когда тот готовился к ответу, к нему просто подошёл экзаменатор и помог.

Математический «барьер» честно или нечестно преодолели только тридцать четыре человека. Тем не менее, Виктор понимал, что радоваться рано. Он не знал сколько курсантов планировали набрать из военных абитуриентов, но чувствовал, что их будет меньше. Он прикидывал шансы всех сдавших... «Позвоночные», эти пройдут точно. Но эти четверо засветились, а сколько таких ещё среди тех, кто не получал двоек? Наверняка, вне конкурса пройдут и двое пограничников, что умудрились у себя на заставе обзавестись карточками кандидатов в члены КПСС. Потом старшина Франзен. Этот поступит стопроцентно, он так ретиво выполнял веления командования Сборов по допуску к экзаменам как можно меньшего числа абитуриентов «со стороны». Да и экзаменационных баллов у старшины больше всех – четырнадцать, две пятёрки и четвёрка. Потом ещё несколько человек, у которых набранных баллов больше чем у Виктора. И так и эдак прикидывал Виктор и получалось, что изо всех, как минимум двадцать имеют шансы предпочтительнее его.

Неделю до мандатной комиссии, на которой окончательно должны были объявить, кто поступил, а кто нет... В это время начали сдавать экзамены гражданские абитуриенты, а Виктор через день заступал в наряд на кухню.

Мандатная комиссия началась с таких сюрпризов... Первым на комиссию зашёл старшина Франзен, как получивший наибольшее количество баллов... Что такое старшина срочной службы? Кто служил в Советской Армии знает насколько это редчайшее явление, когда за два

года молодой человек вырастает из рядового салаги до старшины, дослуживается до широкой продольной лычки. Это означало, что лучшего во всех отношениях, в боевой и политической подготовке, дисциплине, исполнительности воина нет и быть не может. Франзен являлся именно таким. Он и к экзаменам подготовился прекрасно, не забыл за два года рутинной службы ни математики, ни истории. Ему не подсовывали счастливых билетов и всё равно он оба этих предмета честно сдал на «отлично». А сочинение, которое все сдували со «шпор», он писал из «головы» и всё равно получил «четыре». Достоинств у старшины оказалось столько, что не перечесть, он был и прекрасный спортсмен, имел разряд по гимнастике... И это всё помимо «заслуг» в борьбе за «уменьшение конкурса»... Не только Виктор, наверное, все без исключения абитуриенты не сомневались в его стопроцентной гарантии поступления.

Рослый, атлетически сложенный старшина вышел из комнаты, где заседала мандатная комиссия бледнее полотна.

– Ну, что... как... зачислили? – кинулись к нему остальные, ждущие своей очереди.

– Отфутболили... – замогильным голосом прошептал Франзен.

На него было страшно смотреть. Чистюля, аккуратист, «парадка» отглажена со «стрелками» на широкой груди набор всевозможных солдатских регалий... Он словно в приступе удушья рванул галстук, воротник рубашки, оторвав пуговицы...

– Суки... они же меня... как шавку, использовали и выкинули...

После Франзена по очереди зашли двое имевших по тринадцать баллов... Один вышел облегчённо отдуваясь, его зачислили, второй растерянно моргавший глазами, из которых готовы были хлынуть слёзы – его тоже отфутболили... Один из двенадцатибальников перед тем как зайти, проговорил:

– Из этой двери я выйду либо курсантом этого училища, либо врагом Советской Власти...

Если он сдержал обещание, то стал врагом. Из четырнадцати человек вошедших перед Виктором зачислили каждого второго, семь человек. Критерии, по которым основывали свой выбор члены комиссии не поддавались никакой логике. Констатировать можно было только одно – экзаменационные баллы не играют никакой определяющей роли. Виктор, набрав побольше воздуха в лёгкие, открыл дверь и вошёл. За длинным столом сидели, председатель комиссии, полковник в очках, ещё один полковник, три подполковника, майор и капитан.

– Товарищ полковник, рядовой Позвоноглу на мандатную комиссию прибыл! – чётко доложил Виктор, молодцевато отдав честь председателю комиссии.

Полковник, поправив очки, стал читать лежащие перед ним документы:

– Позвоноглу Виктор Семёнович, рядовой, радиорелейный механик, прибыл из Московского военного округа, школу окончил в шестьдесят девятом году... аттестат троечный, характеристики положительные, комсгруппорг, редактор боевого листка... экзамены сдал, сочинение – четыре, история – четыре, математика – три, – полковник оторвал глаза от бумаг и взглянул на вытянувшегося перед ним Виктора.

Возможно, он хотел высмотреть какой-нибудь изъян в обмундировании, внешности, но Виктор подготовился как надо: парадка – брюки, китель, рубашка, галстук – всё выглажено, вычищено. Сам высокий, стройный, голубоглазый, светловолосый – материнская кровь явно превалировала во внешности.

Не найдя ничего предосудительного полковник начал с очевидной слабости стоящего перед ним абитуриента:

– Что же вы, Позвоноглу, так неважно в школе учились?...

Виктор ожидал другого, он не сомневался, что услышав его экзотическую для русского уха фамилию, полковник обязательно спросит откуда она у него, и само-собой дело дойдёт до его национальности. И вот тогда... Он продумал всё до мелочей, что говорить для того чтобы «запудрить» мозги искушённых членов комиссии, этих «тяжелопогонных» дядек. Результатом

должно стать его зачисление в училище. Они не посмеют его не принять, побоятся. Ведь он, нацменьшинство. Вот что Виктор считал своим выигрышным шансом. Для этого надо было повести разговор так, чтобы члены комиссии осознали, как это для них опасно притеснить представителя нацменьшинства. Ведь в Советском Союзе нацменьшинства поддерживают, их всячески лелеют... Он в этом не сомневался, и когда получал паспорт не колеблясь взял национальность отца, а не матери. Ведь русских так много, что рядовые, не имеющие влиятельных родичей представители титульной нации фактически мало на что могли рассчитывать. Другое дело нацменьшинства... Что значит отфутболить русского или украинца – никакого риска. А меньшинство? Он ведь и развоняться может, в Москву написать.хлопот не оберёшься, если вдруг обвинят, что в советском военно-политическом училище, зажимают представителя нацменьшинства, к тому же успешно сдавшего вступительные экзамены. Даже если все эти полковники и подполковники и не собирались его зачислять, они должны обязательно испугаться такого развития событий...

Но полковник спросил не о его фамилии, а о школьной успеваемости. Чёрт, какая школа, ведь у него такая фамилия, она сама напрашивается на вопрос: откуда, почему у вас такая странная фамилия? Ну почему он не спросил, этот хрен очкастый?...

Виктор лихорадочно размышлял, как вывести дело в нужное русло, как выправить положение. Спасительная мысль явилась не то откуда-то свыше, не то как-то со стороны...

– Я не мог полноценно учиться, – негромко, но чётко произнёс Виктор.

– Почему? – удивлённо вскинул глаза полковник.

– Я сирота... с рождения. Моя мать умерла, когда мне было восемь месяцев, а когда мне исполнилось восемь лет из-за старых фронтовых ран паралич разбил отца...

Обычно, начав врать, или чередуя правду и вымысел, Виктор продолжал это делать уверенно, увлечённо, так что у слушателей не возникало ни малейшего сомнения в его искренности.

– Кто же вас воспитывал с восьми лет? – на этот раз полковник всё же засомневался.

– Старшая сестра. Она и за отцом ухаживала и меня... тоже. Ей очень тяжело пришлось, и сейчас вот... Она фактически лишена личной жизни, и я ещё и потому хочу стать офицером, чтобы иметь возможность оказать ей материальную помощь. И ей и мне с детства пришлось много перетерпеть из-за нашей фамилии и национальности, – резко вывернул на свою «колею» Виктор.

И на этот раз полковник просто не мог не задать долгожданного вопроса:

– Национальность... а какая у вас национальность?

В общем-то, вопрос был глупым, ибо из лежащих перед ним документов полковник вполне мог вычитать, что за национальность у этого говорливого абитуриента. Несомненно, он намеренно не спрашивал об этом, но Виктор сумел-таки заставить председателя комиссии задать этот вопрос.

– Я румын... У нас в стране все нации наделены одинаковыми правами, но поверьте, обидеть представителя малого народа очень легко. У нас ведь нет ни республики своей, ни автономии, ни какого другого национального образования, нас всего несколько тысяч по всему Союзу. А у меня ко всему ещё и отец инвалид, калека, я с детства не мог рассчитывать ни на чью защиту. А ведь отец у меня человек заслуженный, он воевал в том самом соединении, где начальником политотдела был Леонид Ильич Брежнев... – Виктор словно обрёл крылья. Так вдохновенно он ещё никогда не врал. – Отец не раз там на переднем крае слушал речи армейского комиссара Брежнева, и вдохновлённый ими шёл в атаку, не щадил ни жизни, ни здоровья сражаясь за Советскую Власть. Он верил в Советскую Власть, и меня воспитал в этой вере. И я верю так же как он, верю в её высшую справедливость. Потому я с детства мечтаю стать армейским политработником, так как считаю, что советские политработники являются умом, честью и совестью нашего времени. Я считаю, что только в их славных рядах, я стану

истинным представителем той ленинской гвардии, к которой принадлежит бывший командир моего отца, генеральный секретарь ЦК КПСС, Леонид Ильич Брежнев...

Виктор проговорил без перерыва минут пятнадцать, поломав весь график работы приёмной комиссии, по которому на одного абитуриента следовало затрачивать не более пяти минут. Члены комиссии слушали, что называется, открыв рты. Обычно абитуриентов, являвшихся пред их «светлые очи» била дрожь, они были скованы, напряжены и безропотно принимали выносимый вердикт. Когда Виктор, наконец, замолчал, несколько секунд в кабинете стояла какая-то неловкая тишина, пока председатель нашёл, что сказать:

– Ннда... Это очень интересно... однако... Что вы там говорили об отце? Он у вас прикован к постели?

– Так точно, парализован! – Виктор выпучил глаза на полковника, словно собирался его загнипотизировать. Но тот, похоже, уже боялся встречаться с ним взглядом и не поднимал глаз от папки с личным делом.

– Срочной службы, значит, вам служить ещё год... Ну что ж пусть сестра ещё потерпит, а через год вы уволитесь и поможете ей.

– То есть как?... – выразил искреннее удивление Виктор на столь неадекватную реакцию на образец его ораторского искусства.

Но полковник, похоже, решил, что времени с этим хлюстом и так потеряно слишком много и уже не давал ему произносить слишком много слов:

– Да так будет лучше, и быстрее. Ведь в училище четыре года учиться придётся, и ещё неизвестно куда вас потом направят. А тут вы уже через год домой вернётесь, непосредственно поможете сестре. Ей-то, наверное, уже пора и о себе подумать, замуж выходить? – полковник оправился от словесной «лавины» Виктора и смотрел ему прямо в глаза, смотрел вроде бы серьёзно, но в глубине таилась усмешка-издёвка: куда лезешь, думаешь раз язык без костей, так всего добьёшься, не обольщайся – против «лома» нет приёма...

– Но я нацменьшинство, – растерянно пытался ухватиться за «воздух» Виктор.

– Это к делу не относится. Идите.

– Но я буду жаловаться... я напишу в Кремль, вы зажимаете нацменьшинство! – продолжал как за соломинку цепляться за свой «шанс» Виктор.

– Идите!

5

После окончания мандатной комиссии зачисленных счастливых сразу отделили от неудачников, и после обеда отправили куда то за город в колхоз, на заготовку овощей для училища. Неудачников старались не напрягать, лишь вежливо напомнили, чтобы они на следующий день зашли в строевую часть училища и получили проездные документы – те кто ещё служил до своих частей, у кого срок закончился, до дома.

Виктор довольно быстро «отошёл» от перипетий «мандатки» и стал собираться к отъезду. При этом он вдруг обнаружил, что находится в отведённом им спальном помещении в одиночестве – остальные абитуриенты-неудачники куда то все пропали, только сиротливо маячили под койками их чемоданы...

Они стали появляться уже поздно вечером. Первым, сильно шатаясь и дыша перегаром пришёл «враг советской власти». Он упал на койку и тяжело с присвистом захрапел. За ним примерно в том же состоянии «приползали» остальные. Безропотно выслушав свою участь на «мандатке», не издав ни слова в свою защиту, чётко, по уставу поворачиваясь через левое плечо, печатая шаг уходя... они, не независимо от национальности, поступали чисто по-русски, «утопили» горе в вине. Виктор даже удивился – насколько близко к сердцу, болезненно они приняли своё фиаско. У него даже такой мысли не возникло – напиться с горя. Скорее всего

сыграла роль румынская составляющая его крови, к тому же он не сомневался, что сделал всё от него зависящее. А раз так, то ему не в чем себя винить, и пенять не на кого. Разве, что на судьбу, но это уж совсем пустое дело.

По времени, когда должна состояться вечерняя поверка пришёл майор, дежурный по училищу. Увидев распластанные на койках тела бывших абитуриентов, понюхав тяжёлый спиртной дух, он лишь махнул рукой и обратился к Виктору, единственному трезвому:

– Ух, запашина, прямо закусить хочется... Старшина где?

Виктор лишь пожал плечами, в то же время с изумлением отмечая, что до сих пор отсутствует старшина Франзен, ходячий Устав, образец дисциплинированности и исполнительности... Франзен пришёл после полуночи. В дверь он попал только с третьего захода, в кровь разбив лоб о косяк. Встав посередине спального помещения, он с минуту осматривался, не обращая внимание на выступившую кровь: неудачники лежали на не разобранных койках вповалку, прямо в сапогах и обмундировании, кто-то стонал, кто то говорил во сне, кто-то блевал в проход между койками. Зловеще усмехнувшись, старшина пошёл на своё место и тут увидел в полумраке ночного казарменного освещения раздетого, лежащего под одеялом Виктора. Он не мог уснуть в такой «атмосфере» и с его лица не сходила брезгливая гримаса.

– Ааа... собрат по нацменьшинствам, – старшина тяжело оперся о спинку койки Виктора. – Ты... ты говорят соловьём заливался, нацменьшинством своим козырял... Эх ты... румын долбаный. Какое ты нацменьшинство? Ты вообще никто, такой нации в Союзе вообще нет, понял?

Виктор лежал вроде бы не обращая внимание на пьяного старшину, но устрашающий вид его разбитой физиономии не мог не тревожить – чёрт его знает, что у него на уме. А Франзен продолжал разглагольствовать:

– Вот я нацменьшинство, так нацменьшинство... но я про это ни-ни, нигде не слова, ни то что в открытую, – старшину сильно повело назад и он еле удержался за койку, основательно тряхнув и Виктора. – А что бы я им сказал, они и так это знают, что я немец, то есть сука, сволочь, фашист, что мне нет веры... Вот что значит быть настоящим, низким нацменьшинством. Понял ты Оглы хренов? Я самое неуважаемое в Союзе нацменьшинство. Поол? – Франзен уже не мог чётко произносить некоторые слова, его язык заплетался. Евреи... жидьё проклятое, больше всех плачут, суки, жизни им тут нет. Их бы в нашу шкуру. Что нам остается – вешаться всем сходу... нас же ниже чурок поганых ставят... А ты говоришь нацменьшинство. Ты радуйся, что ты никто, тебя не трогают и то хорошо... Поол?

– А что есть уважаемые нацменьшинства? – Виктор опустил ноги на пол и попытался тормозить кровать, которую продолжал дергать, раскачиваясь своим мощным телом старшина.

– А как же, ты что разве не знаешь? Есть у нас такие, им все дороги открыты. Но они себя меньшинствами не считают, они себя наоборот лучше, выше всех считают. Власть ещё локти покусает, что жопы им целует, они их отблагодарят... – старшина уже начал заговариваться и, казалось, намертво приковался к спинке койки.

Так тебе что, прямо так и сказали, раз ты немец, так мы тебя не берём, хоть у тебя и больше всех баллов? – задал конкретный вопрос Виктор, имея целью, чтобы Франзен вышел из своего положения маятника и перестал дёргать койку.

И действительно вопрос возымел действие, старшина перестал качаться, ненадолго задумался.

– Да не... ты что... рази такое можно вслух... нее... Они другое... Я ведь до армии один курс политеха кончил и бросил. А как призвали, вот дослужился, – Франзен кивнул на свои старшинские лычки. – Ну вот, тот змей очковый, полковник и говорит, раз вы институт бросили, так и у нас учиться как положено не будете... Сука... Это конечно отговорка... я то понимаю, я немец, в этом всё дело. Вон некоторые гражданские, грузины, азербуды, черти с рогами и с девятью баллами проходят, а мне и четырнадцати мало. Разве может быть совет-

ским политработником представитель фашистской нации... нее, никак нельзя... – Франзен утих, постоял и, перехватывая руками спинки кроватей спотыкаясь, пошёл к своей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.